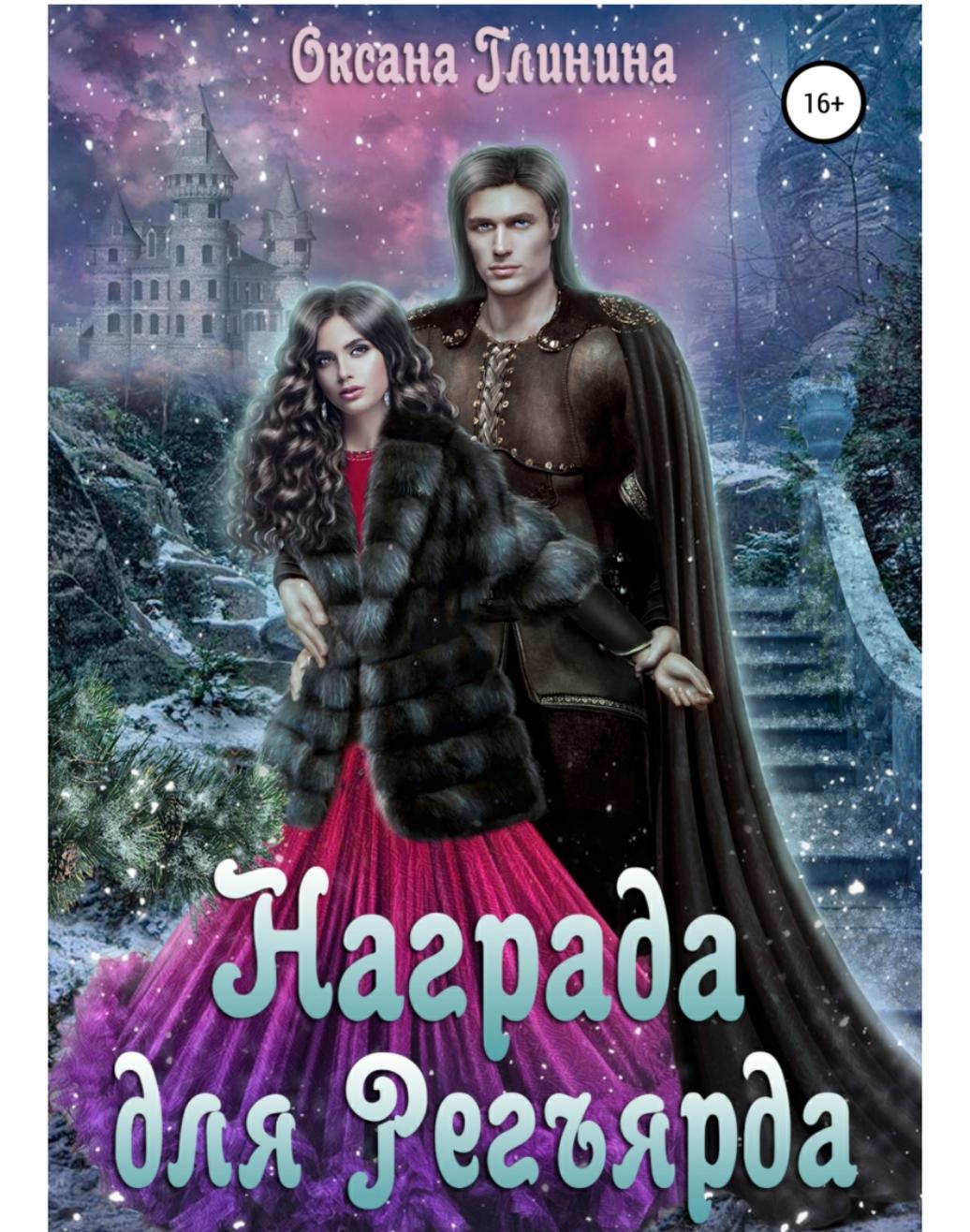

Оксана Линина

16+

Награда
для Резьярда

Оксана Глинина

Награда для Регьярда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67473479

SelfPub; 2022

Аннотация

Я стала наградой за доброе дело великого воина и владельца горного Гримхайла. Регьярд жесток и опасен, с легкостью расправившийся со своими врагами, не спрашивает ни у кого дозволения. Сердце рвется в родные земли к возлюбленному, а неприветливый горный край не спешит принимать чужеземку. Казалось бы, сама судьба велит вернуться на родину, но то ли Регьярд не готов отпустить, то ли я захотела остаться...

Содержание

Глава 1	4
Вилия	4
Глава 2	15
Регьярд	15
Глава 3	22
Вилия	22
Глава 4	34
Илвар	34
Глава 5	47
Регьярд	47
Глава 6	56
Вилия	56
Глава 7	66
Вилия	66
Вилия	77
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Оксана Глинина

Награда для Регьярда

Глава 1

Вилия

Безумно хотелось пить.

Но доступ к воде был особой привилегией, как, впрочем, и еда. Есть уже не хотелось, пустота в желудке стала привычной и легкой, даже урчание прекратилось. Вся утроба, казалось уснула, обиженная таким небрежным обхождением с собой. Но вот к чему не мог привыкнуть измученный организм, так это к жажде.

Жажда была невыносима.

Во рту сухо, першит в горле, язык распух и зудел. Говорить не хотелось. Плакать тоже. Даже смешно стало – раньше я чуть что, сразу заливалась слезами, а тут не смогла проронить ни слезинки, а это не помешало бы. Хоть какая-то влага попала бы на растрескавшиеся, будто солончак, губы.

– Мы все умрем, – простонала Силен – моя двоюродная сестра, по воле обстоятельств, разделившая со мной участь пленницы самого жестокого народа в мире.

– Конечно умрем, – вторила ей Нея – наша старая няня и наставница, превратившаяся за последние недели в тростинку, – когда-нибудь мы все умрем.

Силен всхлипнула, а Нея улыбнулась, правда, одними глазами – губы были слишком сухими и потрескавшимися, ими улыбаться было невозможно. Говорить тоже было невозможно, но почему-то у них получалось.

Горы неумолимо приближались. Значит гонят на юг, на невольничий рынок в Кардассе. Если повезет пережить переход через перевал и через пустыню Ашал, что лежит за Великой степью, то невольничий рынок не самое лучшее вознаграждение за тяготы пути.

Жизнь в рабстве – не просто смерть или забвение. Для дочери правителя Смежных земель – это позор, который ложится на всю семью. Надо умереть еще до невольничьего рынка. Проще это будет сделать в горах, где стремнины сменяются пропастями, а ретивый ветер сталкивает незадачливых путников на острые камни. По собственной воле делать это было страшно, одно утешало, что переход я не переживу, а если не повезет – пустыня доделает свое дело.

– Не спеши, девонька, – просипела Нея, ей было, наверное, хуже всех, но именно из-за этого она держалась лучше, чем остальные, – конец нам предначертан Богами, успеешь их еще прогневить, но не стоит оскорблять их самоубиством. Ночью будет привал – помолись, успокой душу.

Нет. Не думаю, что близкие станут оплакивать меня. Я

была седьмой дочерью Хельдога и единственной от Диляр, которая умерла в родах. У моего отца было много детей от многих жен, целых тринадцать и все дочери. От пятой жены Ульги наконец-таки родился единственный сын и наследник. Моему брату – Хелгуду – было только полгода, о нем все знали, его все берегли и, случись что, за него четвертуют, казнят или растерзают.

Дочерей же отец воспринимал как неизбежное зло. Не то чтобы не любил или ненавидел. Просто такое количество девиц на ветвях его родового древа навевало уныние на его величество. Все, что он мог с нами делать – это выгодно отдавать замуж, но для этого было необходимо приданое, что повергало моего отца в еще большее уныние.

Кто меня мог бы оплакать теперь, либо погибли от рук кочевников, либо находились со мной среди пленниц.

Тетка Ги́ла, у которой я росла и воспитывалась на ровне с ее дочерью Си́лен, любила меня, по-своему, довольно своеобразно, но любила.

Илвар...

От воспоминаний защемило в груди. Вряд ли он будет страдать, узнав о моей гибели, разве что расстроится, не получив желанного места в свите отца и приданого, что оставила мне моя покойная мама.

Моя любовь была однобокой и от этого не менее болезненной. Но тетка говорила, что женщине не пристало вообще распоряжаться своей судьбой, а тут – жених мне люб, что

вообще счастье для девицы великое. А то, что на меня Илвар не смотрит влюбленным взглядом – не беда. По словам родственницы – не слишком это большое счастье быть замужем. Главное родить побольше наследников.

Тут тоже была проблема – роста во мне не очень много, как и веса. А для того, чтобы выносить потомство наших северных мужчин требовалось отменное здоровье и крепкое тело. Не могла похвастаться ни тем, ни другим.

На смотринах Илвар в мою сторону даже не поворачивал голову, но, почему-то, выбрал именно меня. Отец не возражал, а я и огорчилась, и обрадовалась. Радовалась тому, что стану женой любимого мужчины, а расстроилась... мне так хотелось, чтобы он меня увидел, оценил не мое происхождение и статус, а меня саму – настоящую. Я ведь не только серая мышь Вилия, в сердце моём, подобно весенним робким побегам, выросла любовь и безграничная преданность. Чувствовала, что могу сделать все, чтобы он стал просто счастливым. Но никому мои душевные порывы не были нужны.

Ги́ла говорила, что я не уродина и даже не дурнушка, просто меня было трудно заметить среди других высоких статных сестер, а то, что менестрели нарекли красиво, это просто, чтобы ладнее звучало. Не петь же песни про Вилию – Серую мышь, в самом деле. Вилия – Среброглазая принцесса, куда лучше звучит.

Тетку зарезали – она была слишком толстой, чтобы стать невольницей на продажу, правда это не мешало ее перед

этим изнасиловать. Зачем было убивать? Не проще ли в живых оставить? Но, все разграбившие за ночь, сугуры остались пировать до следующего вечера, за это время они изрядно напились. Однако, помощь так и не пришла. Слишком далеко находилась деревня, где мы жили, слишком глухое место даже для Смежных земель. А может решили, что нет смысла спасать тех, кто заранее обречен – вступать в схватку с кочевниками равносильно смерти.

Няню Нею спасло то, что она была целительницей. Не смотря на возраст, такие ценились на рынке довольно дорого. Беда только, что не особо наши пленители заботились о своем товаре, не чураясь похлестывать плетью, если уж совсем двуногое стадо ленилось тащиться пешком.

Впереди горы... Там верная смерть.

Во глубине души тлело желание выжить и попасть в рабыни. Тогда уж точно обо мне вспомнили бы в доме моего отца и заговорили, чего уж там. Потом, конечно, послали бы кого-нибудь верного за горы на юг, чтобы неверной дочери и принцессе перерезать горло – смыть позор кровью. Не забывали бы меня точно долго. И кто знает, может в рабстве не так уж и плохо. Но распластанное изувеченное тело Гилы – резко всплывшее в памяти – вернуло с небес на землю. В худшем случае – меня ждет именно это, в лучшем – я стану безликим покорным существом, благодарным на миску хлеба.

Не очень хочется. К труду я, конечно, привычна, тет-ка спуску не давала – даром, что принцесса. Но вот потерять свободу, оказаться в чужих краях, среди чужих людей с незнакомой речью – было страшно.

Все равно хотелось жить, любить и... почувствовать любовь. Хоть минуту любви, хоть миг...

Я довольно глубоко погрузилась в собственные мысли. Слишком сильно переживая за свою судьбу, учитывая, что рядом находились еще Нея и Силен, их ожидала та же участь, что и меня. Не заметила совсем, что вокруг творится. Как выросли с двух сторон крутые стены ущелья, и глубокая синяя тень от скал закрыла немилосердное солнце. Очнулась, когда обоз, состоящий из ослабленных женщин и нескольких таких же ослабленных мужчин заволновался, задергался, все стали друга толкать. Меня толкнули я упала. Веревка, до того туго стягивавшая запястья, неожиданно ослабла. Сил подняться не было. Совсем.

Женщины, что-то очень эмоционально друг другу шепта-ли, потом стали говорить все громче и громче, а после и во-все кричать.

– Нас спасают! – радостно воскликнула Силен. – Смотри, Вили, нас и правда спасают.

Горцы.

Даже не знаю, кто лучше – горцы или кочевники, и те и те – воинственные и кровожадные. Только горцы пленными не торговали, считая, что свобода превыше всего. В чем-то

я была с ними даже согласна.

С кочевниками они расправились быстро.

Горы.

Мы только подошли к перевалу, ведущему к ущелью, а горцы уже ждали. Нас не задели, зато пленители были поражены стрелами в одно мгновение. Те, кто уберется от лучников, попали в засаду и были перебиты пешими воинами. В живых из кочевников не оставили никого. Когда все стихло, мы – пленники – замерли в ожидании.

Одно дело кочевники – дикий степной народ, нападают на приграничные территории, грабят, берут пленных, торгуют ими, как между собой, так и на невольничьем рынке Кардас-са.

Другое дело горцы – живут в горах, ведут закрытый образ жизни, нетерпимы к нарушению их собственных границ. Но, что они будут делать с нами – чужими пленными? Сложно было надеяться на их доброту и гостеприимство. Но не оставят же нас здесь в горах умирать?

Или оставят?

Мы так и стояли, сгрудившись, затаив дыхание, ожидая своей участи, пока к нам не вышел предводитель наших освободителей.

Мне казалось, что горцы были чем-то похожи на тех же кочевников, особенно невысоким ростом и коренастой фигурой. В жизни я никогда их не видела, разве что читала в старых книгах теткиной библиотеки. Гордый, свободолюби-

вы народ, изгнавший архейские племена с предгорий и каменных кряжей Гримхайла и отстаивающий свою независимость. А ведь моя мать была горянкой, маленькой хрупкой, но непокорной. Говорили, что мой отец привез ее против воли, в надежде заполучить от горной девы-провидицы сильного и бойкого наследника, но разочарование его было катастрофическим. Странно, что Хельдог не приказал меня выбросить в реку, только отослал к сестре в северные земли, как раз на границу с кочевыми народами.

Так вот горцы были совсем не такими, как я себе представляла.

Совсем.

Распоряжавшийся и отдающий приказы зычным голосом был высок и статен, не так широк в кости, как наши воины, но силы в нем чувствовалось немеряно, его люди расступались перед ним, а он шел вдоль ряда с пленными, оглядывая добычу. А еще он носил длинные волосы и совсем не носил бороды...

Я засмотрелась.

Ничего не подумайте, просто из любопытства. Горец не был похож на наших мужчин, от того и было интересно. Даже жажда и чувство голода притупились и позабылись. Зато его взгляд направился в мою сторону, и он подошел. Я привыкла к тому, что чаще всего меня не замечали или делали вид, что меня нет, поэтому и думала – горец пройдет мимо. Какой ему интерес к грязной и измученной пленнице. Так и

вышло, его взгляд на мне не задержался, скользнул мимо и направился дальше на Силен.

– Это точно горцы? – с опаской прошептала двоюродная сестра, и, тем не менее, в ее голосе проскользнуло любопытство. – Или мы попали в какую-то волшебную страну?

– Да, это они, – подтвердила Нея, загадочно посмотрев на меня, – ты еще много не знаешь об этом народе.

И почему мне кажется, что последняя фраза предназначалась мне. Мама была самой лучшей провидицей, единственной в своем роде, но глава ее клана отдал моему отцу за большие деньги, а моей судьбой сородичи не интересовались.

– Как тебя зовут?

Глубокий голос вывел меня из задумчивости, и я подняла взор. Горец смотрел в мою сторону, с непривычки я даже обернулась, может он обращается к Силен, которая как раз стояла за мной и была выше на голову.

– Я говорю с тобой, – снова произнес предводитель наших спасителей, – почему не отвечаешь на вопрос?

Вокруг меня все расступились. А у меня, как на зло, рот снова вспомнил о жажде, от чего язык так и прилип к небу. Не привыкла все же я к такому вниманию, чувствовала себя глупо и неудобно. Хотя, как вообще должна чувствовать себя пленница с судьбой, зависшей на тоненьком волоске.

– Вилия! – нашла двоюродная сестра, с чего-то решившая помочь. Не скажу, что была благодарна за такую услугу.

– Я не к тебе обращаюсь! – горец грубо оборвал девушку,

от чего сестра вся стушеввалась и сникла. – А ты язык проглотила?

Сглотнула, чтобы протолкнуть ком, застрявший в горле и хоть как-то смочить иссушенные связки.

– Она права, – произнесла надтреснувшим и хриплым от жажды голосом, – мое имя Вилия.

– Теперь ты останешься здесь, Вилия! А остальные пусть возвращаются обратно, мои люди их проводят до восточной межи.

Что?!

Как же так-то? А Илвар? Моя свадьба с ним. Я так о ней мечтала! Грезила долгие годы, с самого детства. Как только увидела его на весеннем празднике в замке моего отца. Ведь я подумать не могла, что он захочет на мне жениться.

Неужто, заслужив у богов избавления от одной беды, взамен я получила другую?

И что теперь?

И откуда только силы взялись бежать за горцем на истоптанных ногах? Не мешала даже волокущая за мной веревка.

– Постой... – горло болело и першило, но я все равно силилась и кричала ему вслед. – Ты не можешь так... со мной! Нет... не хочу...

Все же споткнулась, теряя опору на ослабленных ногах, все же запуталась в веревке и упала.

– Тебе будет не так уж и плохо в наших краях, Вилия! – горец обернулся и подошел ко мне, взял за плечи и потянул

наверх. – Я спас твоих сородичей, в ответ – ты останешься здесь!

В его руках блеснула холодная сталь кинжала. В один миг мне стало дурно и в голове мелькнула мысль: «За что?»

Но тотчас почувствовала, что руки мои свободны – запястья были больше не связаны.

Глава 2

Регьярд

Девчонку я заметил еще тогда, когда степняки вместе с пленными перешли границу. Дозорные с Серой скалы доложили о недоговоренном переходе. Нарушать договор – это подлость, поэтому нарушители получают по заслугам. Остался вопрос, что потом делать с пленными.

Но девчонку я заметил сразу.

Все северянки вечно как сметаной облитые – белобрысые и бесцветные какие-то. Но, слышал, они безмерно этим гордились, и их женщины ценились на невольничьем рынке особенно дорого. Мне было плевать, на их особенную красоту, у моего отца женой была именно северянка, такая же красивая, как и холодная, высокомерная, ненавидящая все и всех. Особенно наш горный край, который вообще-то ее принял, как свою владельницу, но она не переставала твердить о том, какой он сирый и убогий. Потом мой дядя обмотал ее тугую серебристую косу вокруг ее же тощей шеи и задушил. А она думала, что он, убив брата, сделает единоличной владельницей всего Гримхайла её. Какая ирония – желать остаться править такими ненавистными себе землями.

Но плевать! Недостойным мертвым – забвение.

Я все равно выжил и вернулся, чтобы отомстить за своего отца и убитых братьев. Сашьяр посчитал, что полуживой мальчишка-бастард не стоит его внимания, за что и поплатился в свой роковой час.

Теперь я Регьярд – сын Дарьяра – единоличный владетель всего горного края Гримхайла, а также всех близлежащих предгорий. Вернувшись, я не только низложил «любимого дядюшку» и узурпировал власть, как некогда сделал он, но положил конец войнам и распрям, сотрясавшим мою страну.

Кочевники поступили мерзко. То, что они напали на территории Смежных земель – это их дело, но вот, что они пересекли наши границы, да еще и с пленными инородцами было гадко. Врага мы перебьем, пленных вернем на родные земли, а девушку я возьму себе в награду.

Она была не похожа на своих соплеменниц – темноволосая и невысокая среди рослых блондинистый девиц. Такая хрупкая и нежная. Не то чтобы мне не хватало внимания женщин. Просто, рассмотрев ее вблизи, понял – хочу только ее. Даже не знаю. То ли дурь, то ли блажь руководили мною в тот момент. Но она выглядела такой безразличной и опустошённой, что хотелось ее расшевелить, оживить такие мертвые глаза. Поэтому, и сказал ей, что она пойдет со мной. Было интересно, как отреагирует. И, если бы она и бровью не повела, то отпустил бы, но она очнулась, ожила, даже побежала за мной. А уж, когда я посмотрел на нее, заглянул ей в глаза, то осознание накатило в миг – такую отпускать нельзя.

Девчонка плакала, но слава Великому Соколу, больше не стенала, не кричала и не билась в истерике. Значит я действительно сделал правильный выбор, не люблю много шума и слез. Потом ей что-то прошептала старуха, оказавшаяся среди пленников, и Вилия – так ее звали – удивленно, как мне показалось, посмотрела на нее, потом в мою сторону, снова всхлипнула и окончательно смолкла. Не понимаю, чего она артачится, столько женщин мечтают греть моё ложе, ходить просто в любовницах, не рассчитывая на замужество, а странной чужачке что-то не по нраву. Мы горцы, наш закон – это свобода. Пленные оказались на моей земле, я спас им жизнь, поэтому девчонка – законная награда, тем более, правителю Горной страны. Для нее честь, лечь в мою постель – это знает каждый.

– Пленных напоить и накормить! – приказал я своим людям. – Сегодня разобьем здесь лагерь, а завтра утром стоит переправить их обратно за холмы Эйларда. На своей территории пусть делают, что хотят, но на моих землях думать о своем народе плохо никому не позволю!

С этими словами развернулся, чтобы пойти посмотреть, как устроили Вилию.

– Регьярд... – это был Кристоф – лучший друг и соратник. Он выглядел обеспокоенным, от того был хмур. – Зачем тебе девчонка?

Друг не стал ходить вокруг да около. За это я его уважал – за честность и прямолинейность, но порой Кристофу не

хватала необходимой гибкости ума, но я не считал это недостатком.

– Она не похожа на коренных северянок, – а вот я уклонился от честного ответа. Незачем Кристофу знать истинные причины моего интереса к пленнице кочевников. – Пусть остается у нас, вдруг да пригодится. К тому же, – невозмутимо продолжил я, глядя другу в глаза, – по нашим законам я имею право потребовать себе награду за освобожденных пленных. Старый хрыч Хельдог мне ничего не скажет против.

– Будь осмотрительнее, – недовольно произнес мой друг, – ты ничего о ней не знаешь, кроме имени.

– А зачем мне еще о ней что-то знать? – эта подозрительность в друге стала порядком раздражать. – Она начнет свою жизнь заново в этой стране.

– Если захочет.

Да какая муха его укусила?! То, что его сестра пыталась залезть в мою постель, не делает Кристофа моим зятем. Еще тогда предупредил честно, девчонку любовницей не сделаю из уважения к нему же, но и не женюсь. Из Киры неважная выйдет жена, и никакая владетельница. Пусть поживет среди своих престарелых нудных теток, может поднаберется ума.

– Захочет! – от чего-то мой голос звучал не так уверенно, как раньше, и мне это не нравилось. – Куда она денется?

– Как знаешь! – только сказал, как выдохнул, мне вслед лучший друг.

Она сидела у костра, обхватив колени и глядя на огонь, будто бы пыталась там что-то рассмотреть. Усталая, бледная с почти безумными глазами, которые у нее были удивительно хороши, как два самоцвета в тонкой оправе ажурных ресниц.

– Пытаешься увидеть свое будущее в пламени? – мой вопрос прозвучал, наверное, насмешливо. Последнюю провидицу нашего края продали правителю Смежных земель много лет назад, во время правления Сашьяра, там она и сгинула, так и не раскрывшая свой дар до конца.

– Пытаюсь понять, зачем тебе именно я? – она заговорила неожиданно и вполне спокойно, хрипота в голосе выдавала давнюю жажду – ее так никто и не напоил.

– Какая теперь разница? – спросил, протягивая ей свою флягу. – Ты не похожа на всех ваших северянок, да и на наших горянок ты тоже не похожа, а вдруг ты мне понравилась.

Она не стала отвечать, схватила флягу и припала к ней жадными губами.

Не рассказывать же ей, да и всем остальным, что сегодня перед отправлением на облаву ко мне явился волхв Магор. Возможно будь на его месте кто-то другой, я бы даже не стал присушиваться, но это был именно Магор, предостерегавший некогда моего отца от излишнего доверия к своему младшему брату. Тогда отец его не послушал, чем это закончилось было известно всем. Волхв не распалялся в словосплетениях, а сказал коротко и ясно:

– Возьми себе награду.

– Что? – я даже не понял, чего он от меня хочет. Какая награда?

– У предгорья сегодня возьми себе награду.

Больше он не стал ни о чем рассказывать. Я даже забыл о его словах, пока не увидел девчонку. Неужто старый волхв печется о моем будущем?

Напившись, Вилия теперь старалась отдышаться.

– И все же слова твои хоть и громки, но смысл скрыт за ними, как за стеной водопада, – все еще с придыханием произнесла она, – скажи, зачем тебе именно я?

– Не ищи глубины в чистом горном потоке, – ответил ей так, чтобы она и правда не плела столь любимый велеречивый словесный клубок, – ты моя законная награда и я тебя забираю с собой, а значит буду теперь нести ответственность. Я сам выбрал ту, которая войдет в мой дом, как его хозяйка.

Ее глаза расширились, а на лице появилось такое удивленное выражение, от чего стало даже немного неловко.

– Выбери другую, – предупредила девушка, – я не самый удачный вариант для такой чести.

– Это мне решать самому, – встал, чтобы уйти. Все эти разговоры были бестолковым излишеством, на которое жаль тратить убегающее время. Возможно, если бы не старик Магор, сам бы и не решился принуждать девчонку остаться. Но отчего-то старому волхву хотелось верить.

– Т-твоя фляга... – окликнула Вилия, протягивая мне пустую емкость. – Извини, но я все выпила.

А еще часть пролила на себя.

– Оставь себе. Мой первый дар тебе – береги его... – усмехнулся про себя, – Надеюсь, ты сможешь оценить все богатства моего края. Здесь неподалёку есть ручей, я покажу тебе его завтра.

С этими словами оставил её у костра одну. Пусть еще подумает, поразмышляет, скоро она поймет, что со мной ей ничего не угрожает.

Глава 3

Вилия

Я смотрела вслед своему пленителю и не понимала. Вообще ничего не понимала.

Когда я стала рыдать у его ног, Нея подошла и стала меня утешать, а потом сказала такое, от чего я пришла в полное недоумение.

– Покорись судьбе, Вили, – прошептала она, поглаживая по пыльным растрепанным волосам, – сегодня он – это правильный выбор.

– Но... как же Илвар? – жалобно простонала я. – Как же моя свадьба с ним?

– Еще полчаса назад ты и не вспоминала о свадьбе, собираясь умереть.

В том то все и дело, что я думала об Илваре, о том, что больше его не увижу, с досадой осознавая тот факт – он обо мне и не вспомнит.

– Это Регьярд, – снова прошептала Нея, – владетель этих земель. Не верь слухам, девочка, если судьба предоставила тебе случай остаться здесь, то так тому и быть. Твои корни берут начало отсюда.

Я перестала рыдать, а Нея меня покинула, оставив в пол-

ном недоумении: как в один миг возможность достаться врагу в награду, может оказаться судьбой? Все равно я останусь опозорена, и Илвар на мне откажется жениться после всего.

Регьярд куда-то подевался, а я слонялась по разбитому лагерю горцев, никому, по сути, не нужная. Вот и зачем меня тащить за собой, если не нужна. Так, из прихоти, но и прихоть-то какая-то непонятная. Не имело все происходящее смысла, как мне казалось. Возможно, Регьярд все-таки узнал, что я дочь правителя Смежных земель и решил использовать в собственных целях, тогда все вставало на свои места и приобретало логику. У горцев с моим отцом было заключено перемирие, хрупкое, как поговаривали в народе, но подходящее для передышки обоих государств. Хотя аппетиты Хельдога были направлены именно на эти земли больше всего, из-за тех ресурсов, которые добывались в местных шахтах, но долгие годы войн за территории истощили оба государства, поэтому даже ему пришлось идти на попятную. Казна и без того прохудилась, а ведь надо было пристроить еще семерых дочерей.

Говорили, первым пошел на перемирие Регьярд, убивший родного дядю и только ставший владельцем. Хельдог думал долго, на перемирие идти не очень хотел, но потом, что-то изменилось и он согласился. Это все рассказывала тетка Гила, охочая до новостей в столице. Силен все это было не интересно, разговоры о политике были ей скучны, а вот мне нравилось, поэтому я подолгу засиживалась с тетей у камина

в гостинной и слушала ее истории. Теперь уже нет ни камина, ни гостинной, ни Гилы с ее рассказами. В груди защемило и захотелось плакать, но, наверное, от недостатка влаги в моем теле слезы так и не выступили на глазах.

Устав сновать по лагерю, я присела возле первого же попавшегося одинокого костра – становилось холодно, а здесь еще и горы, как бы совсем не замерзнуть. Именно здесь меня и нашел Регольд, напоил водой, но так и не дал мне ответов на мои вопросы. Похоже, он сам не знал, зачем я ему сдалась, но решил, и правда, оставить в качестве трофея. Еще он не знал, кем я являюсь, почему-то это немного успокаивало.

Регольд ушел, оставив свою флягу и пообещав показать ручей. Что ж! Знать, где находится чистая вода, тоже неплохо. По крайней мере, не придется ни у кого об этом спрашивать. Еще бы плед да кусок хлеба, и жизнь, можно сказать, налажена. Почти. В конце концов, быть наградой кому-то, не самое приятное ощущение.

Я не заметила, как задремала, очнувшись от того, что меня все же накрыли пледом.

– Извини, – сам владелец собственной персоной, – пленных оказалось больше, чем мы рассчитывали. Это все, что осталось.

А плед-то не плох, хоть и пах дымом от костра.

– Это ведь твой, не так ли? – спросила ради интереса, потеплее укутываясь в уютные недра.

– Какая разница, даже если он и мой?

Он сунул мне в руки крынку молока и кусок хлеба – поистине королевское угощение для голодной и уставшей полупленницы. В животе призывно заурчало, но насладиться в полной мере не хватало сил.

– Ты чего? – в голосе Регьярда слышалась тревога. – Тебе совсем плохо.

– Просто... – решила быть честной, протягивая обратно кусок на удивление свежего хлеба. – Нас совсем не кормили несколько дней, и пить давали очень мало. Я не могу пока есть, отдай хлеб кому-нибудь, а молоко я выпью.

Он долго смотрел на меня, пока я захлебываясь пила молоко, таким вкусным оно мне казалось в тот момент, что я никак не могла им насытиться.

– Спасибо! – выдохнула, когда перевела дыхание.

– Я принесу еще, – кивнул Регьярд, забирая кубок и все еще глядя на меня, будто бы увидел на мне нечто удивительное. Так и ушел, оглядываясь.

Не бог весть что, но на всякий случай, я огляделась – то же пыльное изодранное платье, что было на мне в день пленения, спутанные грязные волосы, стертые веревками запястья рук. Обтерла лицо... и вот незадача – над верхней губой оказывается осталась молочная пена. Горец, поди, теперь насмехается надо мной. Даже обидно стало, что выставила себя смешной и глупой.

– Извини! – раздался голос горца совершенно неожиданно и совсем рядом. – Но молока больше не оказалось. Только

вода.

Он подошел с другой стороны и, казалось, что за этот короткий срок, что отсутствовал, он обегал весь лагерь в поисках молока.

– Ничего страшного, – мне стало еще больше неловко от его заботы, – мне хватит и этой кружки.

– Возьми хлеб, – протянул Регьярд мне ту самую краюху, от которой я отказалась, – еды всем хватило, а тебе завтра этот кусок пригодится.

– Хорошо, – я спрятала хлеб в кармане оборванного платья, и правда может пригодиться.

– Отдохни, – произнес владетель гор, – завтра рано выдвигаемся.

– Я... – запнулась в страхе не зная, как правильно начать разговор, чтобы горец не вспылит. – Ты, правда, заберешь меня с собой?

– У меня нет привычки отступаться от своих слов! – ответ был таким же твердым, как и скалы его земель.

– Но... я не могу с тобой поехать. В родных краях у меня остался жених.

Регьярд странно посмотрел на меня.

– Если у тебя остался жених, который тебя любит, он придет сюда, если он захочет, чтобы ты была только его – он вызовет меня на бой, и, если ты ему действительно дорога, то победит.

– Это невозможно... – в ужасе прошептала я.

– Почему? – в его голосе почувствовался вызов. – Ваши мужчины славные воины, я хотел бы сразиться хоть с одним из них в честном поединке.

Он не понял моих слов, и славно. Ведь не объяснять же ему, что мой жених меня не любит, и уж точно не станет возвращать себе, особенно после того, как я побываю в доме чужого мужчины. А отец еще и обрадуется, когда поймет, что довольно выгодно сбыл одну из дочерей, и мамино приданое мне не придется отдавать.

– Разрешите забрать с собою хотя бы Нею, – обреченно прошептала, понимая, что выхода у меня нет, да и старушка обратной дороги может не вынести.

– Не беспокойся о старой Нее, девочка, – произнесла целительница, – моему пути пора завершиться, так пусть это случится в родной земле.

– Но как же я одна буду здесь, без тебя! – внутри стала подниматься паника. Осознание того, что я и правда не вернусь в родные края, еще и останусь одна на чужбине, стало нервировать и пугать. Накануне все казалось сном, наверное, я так смирилась с неизбежной смертью, что факт спасения меня оглушил и окрылил. А теперь что со мной будет? Зачем я нужна владельцу Гримхайла, если он и так может получить любую женщину.

– Он захотел тебя, – ответила на мой мысленный вопрос старая няня, и, ласково улыбнувшись, погладила меня по щеке, – не расстраивайся, это твоя судьба.

– Какая может быть судьба? – мне стало обидно от того, что няня так легко готова расстаться со мной. – Ведь эта не моя воля! К тому же Илвар...

– Забудь о нем, Вили, – взгляд Неи стал острым и тревожным, а с губ сошла ласковая улыбка, – ему нужна была не ты.

– Нея... – только и сумела удивленно выдохнула.

– Он хороший воин, но не твоя судьба! К тому же не понятно, что у него на уме.

Нея не могла знать Илвара так хорошо, она его и видела-то всего один раз, когда мой жених явился на смотрины. Да и какой человек может разгадать, что на уме у другого человека? Илвар на удивление хорош собой, и, на первый взгляд, казалось этого достаточно. Я была влюблена в него с самого детства, с годами мои чувства не слабели и не остыли. Мечтала о нем, и не смела надеяться на то, что он обратит на меня внимание. Его предложение принесло невероятное счастье, омрачало лишь то, что ко мне он безразличен. Однако, в тайне я продолжала уповать на ответные чувства. А теперь ничего не будет!

Няня не пожелала поехать со мной, оправдываясь тем, что Силен нужна помощь по хозяйству, которой предстояло заняться восстановлением разоренного дома. Оно-то верно – моя кухня практически лишилась крова, а хозяйка из нее никудышная. А у меня не было никакого желания оставаться в чужой стране в одиночестве, но, от чего-то, единственный и близкий мне человек – Нея – считала иначе.

– Твоя мама верила, что ты вернешься на ее родину, – шепнула няня на прощание, – помни, здесь часть твоих корней, не беги от судьбы, девочка. Риски ей покориться.

Последние слова заставили меня расплакаться. И почему все считали, будто бы знают, что лучше для меня. А упоминание о матери меня совсем расстроило – я мамы никогда не знала, только пара общих фраз, которыми ограничивалась тётя Гила. Тёти тоже больше не было. Тоска накатила неимоверная и непонимание – почему няня о маме никогда не рассказывала, раз столько о ней знала.

– И что в тебе нашел этот горец? – со вздохом и кислой миной промямлила дорогая кузина. Вот уж изумила, так изумила – похоже ее матушку оплакиваю здесь только я одна. Но потом Силен обняла меня и тоже заплакала.

– Он посимпатичнее Илвара, – шмыгнув носом, опять констатировала девушка. Что именно она видела в Регьярде, чего не могла разглядеть я? – Так что держи ухо востро, у такого много девок в запасе имеется, уведут, как портки с жердины.

На том и распрощались. Странное утро... Странные дороги судьбы, сплетенные хитрее девичьей косы!

А больше всего меня смущал сам владелец Гримхайла, который вместо того, чтобы дать мне отдельную лошадь, посадил впереди себя на своего коня. В смущении я попробовала воспротивиться. Но он даже не стал слушать, ограничившись фразой:

– Если будешь дергаться, то свалишься и ушибешься. Не для того я тебя спасал, чтобы ты голову о камни разбила.

Пришлось повиноваться, дорога была не из легких.

От Регьярда веяло теплом, почти что жаром, а я стала замерзать еще ночью, костер и одеяло не помогали, а тут тепло человеческого тела. Полы его плаща укутывали меня подобно трепещущим крыльям палатки. В объятиях мужчины мне стало постыдно уютно, и я, убаюканная ездой, вскоре снова уснула. Мне снился Илвар, который меня обнимал. Какой восторг! Наконец-то мой любимый оттаял и узрел меня, он что-то шептал на незнакомом языке, от чего я все глубже опускалась в сон и образ жениха стал таять. Незнакомые слова сложились в песню, и я окончательно погрузилась в глубокий сон.

Очнулась я, когда почувствовала, что положение моего тела резко изменилось. А когда открыла глаза, то первое, что увидела – это огромные темные стены с высокими башнями на фоне заходящего солнца, нависающие над утопающей в зелени долиной.

– Это и есть Гримхайд, – ответил Регьярд на мой удивленный возглас.

– Какой он огромный – замок! – выдохнула одновременно с удивлением, страхом и восторгом, разглядывая темные башни, залитые красным светом.

– Это крепость, – поправил владетель, – ее начал возводить еще мой отец, когда стал правителем этих земель.

– А ты закончил! – осознание само по себе пришло неожиданно и явно.

– Да, – спокойно ответил Регьярд, – я закончил.

Мне послышалось или в его словах и правда звучала грусть.

Из этой крепости не сбежать, подумалось мне с горечью. Я буду здесь заточена навечно. А ведь говорили, что горцы свободолюбивый народ, который не терпит ограничений своей воли. Но, видимо, чужая свобода в их понятия о чести не входила.

– Зачем вам в горах такое огромное строение? – восторг в придыхании не смог скрыть нотки подавленности и досады.

– Так решил мой отец, – Регьярд по-прежнему говорил спокойно, но в его голосе явственно проскальзывала то ли злость, то ли та же досада, что и у меня. – Тогда наша страна долго и упорно воевала. Отец хотел защитить своих близких и свой народ от врагов. Кто знал, что враг окажется не снаружи этих огромных стен, а внутри.

Вот значит, как! Правителя Гримхайла гложут тяжкие воспоминания и страхи. А еще обида. И вряд ли он достроил крепость из страха перед врагами – Регьярд не боялся никого. Скорее это была дань безвременно ушедшему отцу. Продолжение дела его жизни и нарочитая демонстрация преемственности носителя власти.

Мы въехали по тяжелому навесному мосту в огромный просторный двор, где собрался народ поприветствовать сво-

его господина, вернувшегося с победой и наградой.

А его любили! Или боялись до подобострастия.

Нет. Люди действительно любили своего предводителя и уважали его.

От чего-то вспомнился мой отец. Любили ли его так же, как Регьярда – нет. Уважали, боялись, но уж точно не любили.

В общей суматохе владетель все же спешил и сам повел коня, на котором я осталась сидеть, видимо, чтобы все видели, что правитель вернулся не с пустыми руками.

– Смотрите! – вдруг послышалось в толпе. – Регьярд привел владетельницу!

Слова разлетелись, как стая птиц и люди уже кричали слова приветствия новой правительнице. Повсюду стало раздаваться бряцанье оружия о небольшие круглые щиты.

С чего они так решили?!

Я не привыкла быть в центре внимания, а тут его слишком много к моей скромной персоне. Почувствовала, как щеки мои зарделись, перескакивая пламенем стыда на уши.

– Не дергайся! – в очередной раз меня предупредил Регьярд. – Люди приняли тебя – это добрый знак!

Кому как! А одному из вожаков свиты владетеля явно не пришлось по душе происходящее – оглянувшись, я поймала на себе взгляд горящих ненавистью глаз светлоглазого блондина. Еще на привале он силился поговорить с Регьярдом, но тот отмахивался.

Не будет мне здесь легко. Ох, не будет...

Глава 4

Илвар

Унбар ворвался в покои – стучать не имело смысла – надо было срочно разбудить брата, отсыпавшегося после ночных бражничаний с военачальником южан Хексусом.

– Пошла вон! – рыкнул плечистый крупный юноша на девушку, которая как раз выскользнула из объятий брата.

Она была не виновата, но дело не требовало отлагательств, да и хоть на ком-то хотелось согнать злость – девица просто подвернулась под горячую руку, взвизгнув, когда вцепившаяся в спутанные волосы крепкая пятерня вытолкнула её за двери. Они и так опоздали, вовремя не получив извещение, а все эта хитрая лиса – Хексус. Скотина! Теперь-то границы на юге укреплены, но вот на севере совершен прорыв. И кем? Подвоха можно было бы ждать от горцев, но те не желали ни с кем связываться – высокомерные выскочки, а вот кочевникам было плевать. Тем более повод у них был значительный – Хельдог отказался платить им дань.

– Вставай! – в раздражении Унбар пнул брата под ребра.

– Ты чего... – Илвар явно был недоволен таким бурным пробуждением. – Еще даже не рассвет, какого лешего ты меня в бок тычешь?

– Просыпайся! – рявкнул младший брат и стащил покрывало со старшего. Прямо, как в детстве, только сейчас было не до шуток.

– Да что с тобой такое?! – Илмар вскочил с постели злой и негодующий. – Клянусь именами всех богов, тебя будто лешак за задницу укусил! Ты можешь мне все объяснить?

– Могу, – Унбар швырнул брату штаны, – только оденься. Нет никакого желания пялиться на твоё, пока ещё целёхонькое, седалище.

– Черт... – Илвар поспешно натянул штаны. – А что-случилось-то?

– Пришлось попросить твою девку освободить постель, надо серьезно поговорить!

– Я не про это! – старший брат поморщился. – О чем разговор?

– Нас обманули!

– Кто? – от догадки лицо Илвара вытянулось. – Какого черта?!

– Пока ты выслуживаясь перед правителем, окучивал ему племя баргов, для укрепления границ на юге, сугуры ворвались на север и разграбили там все, что только было можно.

– Твою мать!.. – с досады Илвар даже рубаху швырнул в сторону, новость была просто отвратительной.

Ублюдки хотели дани от Хельдога, но старый козел уперся рогом и вышвырнул сугурских послов вон. Теперь они будут совершать набеги на приграничные города и деревни до тех

пор, пока правитель Смежных земель не придет к ним сам отдавать дань.

Младший брат принеся известие, сохранял глубокую задумчивость и мрачность.

– Это ведь еще не все? – догадался Илвар и поднял вопрошающий взор на брата.

– Не все, – согласно кивнул Унбар, – Они напали на жилище госпожи Гилы, сестры правителя.

Илвар, в еще не выветрившемся хмелю, не сразу понял, о чем ему пытается сказать младший брат. Кто такая госпожа Ги́ла, он помнил смутно, но если брат так опечален, значит она имела, какой-то определенный статус при дворе правителя.

– Ты бы иногда потрудился запоминать имена членов семьи Хельгуда! – раздраженно промолвил брат. – Как-никак, ты с ним планируешь породниться.

– У меня всегда была слабая память на имена людей, которые не имеют ко мне никакого отношения.

– Да, ладно! – скептически поморщился Унбар, наливая себе вина. – Неужели и имя «Ви́лия» тебе ничего не говорит?

При упоминании этого имени, Илвар снова поморщился. Ви́лия-серая-мышь, как ее за глаза называли подданные ее отца. Он и сам называл ее не иначе, как именно прозвищем, которое дала Ульга. Серая мышь. В памяти возникло худое бледное существо с, по-щенячьи, преданным взглядом. Невеста Илвара.

– При чем здесь моя невеста? – молодой мужчина потер ладонями лицо, чтобы прогнать, будто хмельной скверный сон, блеклый образ из памяти, как и чувство вины, что неожиданно стало расплываться в груди.

С чего это вдруг он стал испытывать стыд за свои поступки перед невестой, которую не любил и высватал только ради милостей и привилегий. А может все дело в чувстве гадливости и колких взглядах верной ему сотни ратоборцев, высмотревших в удачном сватовстве – его неуёмное желание пригреться у трона.

– Слушай, брат! – в раздражении Унбар отбросил серебряный кубок из-под вина. – Завязывай со своими хождениями по девкам! Приводи себя в порядок и пойдем, тебя ждет правитель. Хельгуд – человек вроде и понимающий, но сомневаюсь, что он будет в восторге от того, что его дочь ты прозевал, нежась в объятиях дворовой девки.

– Что ты сейчас имел в виду?! – Илмар непонимающе уставился на брата. – Как я мог... прозевать...

Осознание того, что произошло, ударило хлестко и остро. В один момент хмель выветрился из головы и до Илмара дошло произошедшее. Память прояснилась и грани, между разрозненными кусками услышанного, стерлись. Госпожа Ги́ла – какая-то там родственница правителя, это к ней тогда на смотрины к своей невесте вынужден был таскаться Илмар вместе со всей своей свитой.

– Вот черт!.. – слова проскрежетали, как гвозди, понав-

шие в жернова, когда, наконец, дошло осознание всего ущерба от дурацкого сугурского разорения. – Правитель здесь?

Ответа не требовалось, когда было все и без того очевидно.

На обратном пути от короля Илмара распирало от кипящей ярости, злости и еще от чего-то, правда, Илмар сам не мог понять от чего именно. Младший брат благоразумно молчал, но по-прежнему шел не отставая от быстрого шага старшего.

Ничего... Ничего не предвещало беды! Как же! А, отказав сугурам в причитающемся золоте, Хельгуд думал, что они об этом забудут и не станут мстить? Кочевники слишком гордый народ, и так быстро ничего не забывают. Особенно унижение. То, что они напали на земли сестры правителя, не случайно – это был первый акт мести. Старый дурак и маразматик! Самодур! Чего уж тут...

Илмар и сам хорош! Ведь надо было сделать так, как сразу намекнул Хельгуд – забрать девчонку к себе и готовиться к свадьбе. Но свадьба была запланирована только на осень, на праздник равноденствия, а сейчас только весна. Что было с ней делать в замке еще целых полгода? Охаживать?

Да ну! Образ жизни самого Илмара был не то, чтобы далек от совершенства, нет. Просто по долгу своей службы ему приходилось много ездить, проводить время в сражениях на приграничных землях, вести переговоры, которые могли за-

кончиться, как сегодня – бурной пьянкой, со шлюхой в постели.

Чтобы делала изнеженная Вилия в его небольшом и слишком мужском жилище – рыдала бы целыми днями, не способная вести хозяйство и понукаемая местными девками. Эти могли, кого хочешь затравить, а Серую мышь так и по-давно.

Илмар надеялся на новые привилегии после женитьбы от правителя, рассчитывал на замок в Ласлоне. Теперь это все стало меркнуть на горизонте, где полыхали объятые степным огнём северные земли, таять, как утренний туман.

– Как ты провел время, мой мальчик? – в памяти всплыл надменный голос престарелого Хельгуда, который отчаянно молодился из-за жены, полной юности и сил, Ульги.

– Весьма плодотворно, мой господин, – Илмар старался говорить осторожно, но без подобострастия, склоняясь перед правителем.

– И чем меня порадуешь? – правитель вертел в руке золоченый кубок, из которого буквально накануне пил вино Хексус, будь не ладна эта лживая баргская скотина.

– Предводитель баргов согласился на наши условия, скрепил наши руки клятвой! – фраза показалась даже Илмару немного самоуверенной и поспешной, но необходимо было хоть как-то доказать старику, что молодой военачальник не просто проводил время в праздности, а в поте лица трудился на благо Смежных земель.

– И что же это за условия? – по-прежнему не глядя на Илвара, поинтересовался Хельгуд. – Скорее же поведай мне о том, чего я еще не знаю.

Спина покрылась холодным липким потом, стараясь не смотреть на брата, молодой человек нарочито приободрился и стал рассказывать об условиях, которые самолично оговорил с Хексусом. Именно самолично, ибо правитель Смежных земель ни гибкостью характера, ни многослойностью ума не отличался, всегда предпочитая рубить с плеча – никаких уступок, никаких договоренностей. Хельгуд хотел, чтобы его боялись и, из-за страха перед ним, подчинялись беспрекословно. А вместо этого, нажил себе еще с добрую сотню врагов, которые начинали рвать Смежные земли на границах.

Илмар считал, что всегда можно договориться, где-то уступив, где-то надавив, но в итоге все равно прийти к некому общему решению, от которого все будут только выигрывать. Кто знал, что Хексус обманет его и уберется восвояси, так и не поставив своего клейма на свитке. Ведь именно ради этих переговоров молодой военачальник пожертвовал временем, которое должен был посвятить невесте по совету правителя. И с чего это Хельгуд так стал пещься о девчонке, которая была ни старшей, ни младшей в списке дочерей. Обычно старик даже не интересовался ими, выпихивая поскорее замуж, как только та была способна понести ребенка. А тут, какая-то невзрачная тощая девчонка, и столько бес-

покойства. Стоило, в таком случае, держать при себе в качестве забавной зверушки, раз так пекся о ее благополучии.

Надо будет подробнее расспросить у Ульги по поводу этой Серой мыши, которая, в виду сложившихся обстоятельств, казалась не такой уж и серой.

– Хм, – скривился правитель, как только Илмар закончил перечислять условия, оговоренные с Хексусом в приватной беседе, – как интересно.

В словах Хельгуда слышалась издевка, подкрепленная вздёрнутыми густыми порослями бровей, и это не нравилось, очень не нравилось. Какого черта он ёрничает, ведь если бы не его абсолютно не гибкая политика, Смежные земли можно бы было оградить от многих бед приграничных войн, это и без того изнуряло страну и мучило истощающиеся хозяйства земельников.

– Знаешь, почему я сделал тебя своим полководцем? – на этот раз правитель снизошел до того, чтобы в упор посмотреть на Илмара, но, как оказалось лучше бы он этого не делал. Во взгляде серых абсолютно беспристрастных глаз читалось презрение и сквозил ледяной холод. Молодой мужчина сглотнул и чуть подался вперед от неприятных ощущений, накативших целой лавиной снега.

– За мою верность вам, мой господин! – Илмар снова склонился, на всякий случай, и, чтобы разорвать этот неприятный, в высшей степени, пламень, налившихся гневом, глаз.

– Не совсем! – Хельгуд поставил золоченый кубок на, неубранный после пиршества с баргами, стол и вытер руку о скатерть, съехавшую на бок, как подол, бесстыдно задранного, платья.

– Как тебе будет известно, – продолжил правитель, брезгливо поморщившись, – у меня не было сыновей, от того все мои приближенные мечтали, так или иначе, прибрать мою власть в свои руки. Как ты думаешь, что меня спасло от очередного переворота?

– Рождение наследника, – Илмар едва удержался, чтобы не процедить эти слова сквозь зубы.

– Вот именно, наследника, от твоей кузины Ульги. К тому же твой отец был действительно верным человеком и прекрасным командиром моих солдат. Когда он погиб, я взял его детей и племянницу под свое крыло, исполняя обещание, данное ему перед смертью – позаботиться о его семье. В тебе я всегда видел потенциал, ты мне был, как сын. Но не могу сказать, что парой своих выходов ты не разочаровал меня!

Последние слова Хельгуд почти прокричал, сметая со стола остатки пиршества вместе со скатертью.

– Когда ты пришел просить себе в жены именно Вилию, я долго раздумывал, но твоя кузина убедила меня, что так будет лучше! Ладно! Хочешь, бери! А теперь объясни мне, жалкий сопляк, какого черта ты не сделал так, как я тебе предложил – не забрал девчонку к себе?!

Правитель был в ярости. Илмар не мог с точностью ска-

зять – это из-за того, что молодой человек его не послушал или это из-за того, что Серая мышь, пропала. Явно для самого Илмара это не сулило ничего хорошего.

– Мой господин, я искренне заботился о самой Вилии! Разве девушке ее статуса и положения, положено находиться длительный срок до свадьбы под одной крышей с мужчиной, пусть и с избранником.

– Твоя кузина не особенно заботилась о своей репутации, когда раздвигала передо мной ноги не будучи моей женой!

Новость не то, чтобы была в новинку, но слышать это вот так, было не совсем приятно.

– Я... д-даже не знаю, что сказать... – произнес Илмар сдавленным голосом.

– Хочешь поведать, что ты и твоя слишком умная кузина не строили за моей спиной свои собственные планы?! – Хельгуд схватил своего молодого полководца за горло. – Думаешь, я такой идиот, что ничего не понял еще тогда, когда она легла под меня в первый раз?!

И тут Илмар понял, что все кончено. А ведь Ульга убеждала его, что получится. Глупо было вообще поддаваться на бабские уговоры, но тогда казалось, что и правда план безупречен. Правитель хоть и старый самодур, но далеко не дурак, хуже того – совсем не дурак.

– Ты считаешь, что я не разгадал ваши намерения манипулировать мной?!

Дышать Илмару становилось все труднее, а старик и не

собирался его отпускать. Вот упертый баран!

– Так вот – знай свое место, щенок! – и правитель отшвырнул начинающее слабнуть тело молодого человека. – Я не первый день живу на земле, и правлю этой страной не одно десятилетие. Такие интриганы, как ваша семейка мне встречались и встречаются на каждом шагу. И, если тебе дорога твоя родственница и твоя собственная шкура, то ты перестанешь валять дурака, выслуживаясь перед врагами! А займешься тем, что я тебе прикажу – посмеешь опять поступить по-своему, ваши головы полетят с плеч!

На последней фразе Хельгуд многозначительно уставился на Унбара, от чего тот активно закивал, соглашаясь на все, лишь бы не укоротиться на голову прямо сейчас.

– Отправляйся и верни ее! – процедил правитель. – Ищи, но найди живой и не важно где! Ты меня понял?! Верни ее!

Илмар смотрел на старика во все глаза. Нет, явно с девочкой что-то было не так! Ни одна дочь Хельгуда не вызвала в нем столько эмоций. Правителю было наплевать на судьбу всех своих отпрысков женского пола. Говорили, что одну из девиц он даже отдал вождю северных кугуров, а это было равносильно тому, если бы он отдал ее в рабство. Кугуры не отличались почтительным отношением к женскому полу. Они вообще и на людей-то были слабо похожи. Но Хельгуд после этого той дочерью и не интересовался никогда, получив за ее возможность передвигаться по Снежным землям, и даже свободно вести торговлю.

Чего же он тогда разошелся из-за Вилии так? Тошная, невысокая, невзрачная какая-то, а столько крику. Ульга. Это она предложила высватать девчонку, значит эта хитрая бес-тия знает что-то, чего не знает сам Илмар. Рыжая стерва почти подставила его. Он с ней ещё поговорит, думал про себя посрамлённый переговорщик, когда возвращался от Хельгу-да, он не просто поговорит с любезной кузиной, а вытряхнет всю правду о ее матримониальных планах.

– Унбар! – обратился Илмар к младшему брату. – Собирай всех прямо сейчас, выдвигаемся сегодня же на рассвете.

– Есть какие-нибудь идеи? – Унбар не смел поднять глаза на старшего брата.

– Вышлем разведчиков, пусть идут по следу сугуров!

– В том-то и беда... – юноша запнулся, не зная, как сообщить новость.

– Что?! Говори! – Илмар остановился и внимательно посмотрел на брата. – Мне уже осточертели сюрпризы!

– Сугурский след теряется у границ на севере, – понуро промолвил Унбар. – Получается, что они не вернулись по тому пути, по которому пришли.

– Твою мать за дышло! – Илмар в сердцах выругался.

И дернуло его послушать Ульгу и посвататься к Серой мыши!

– И правда стоило забрать девчонку к себе, – тихо произнес младший брат, скорее самому себе в назидание, чем в укор старшему отпрыску семьи Ельвер.

– Не лезь туда, куда не просят! – огрызнулся Илмар. – Притащить ее в эту берлогу, чтобы она тут извела всех своими капризами?

– Что ты о ней вообще знаешь? – теперь Унбар смотрел на брата с вызовом. – Зачем тогда сватал, если она тебе так не по душе?

– Потому что так надо было!

– Это ведь была идея Ульги! Она тебя подговорила, а ты послушался!

– Заткнись! – Илмар схватил юношу за тунику на груди, до характерного треска расшитого льна. – Твоих нотаций мне еще здесь не хватало!

– Говорят, она родилась от провидицы-горянки!

Это было неожиданно на столько, что Илмар отпустил брата.

Теперь все усложнялось в разы! И становилось понятно почему так бесится Хельдог. Провидиц больше нет, а Вилия могла стать последней.

Последней на весь белый свет.

Глава 5

Регьярд

Она дремала прямо на моей груди, и мне от чего-то вспомнилась моя мать. Может это еще не выветрившийся из пыльного порванного платья запах степных трав, которые заботливые руки развешивали под потолком моей спальни. Только к этим ласковым и теплым ладоням, будучи маленьким, льнул я. Годы полные ненависти и отчаяния, проведенные на чужбине выжгли воспоминания о самом дорогом, что было в моей жизни. Но девочка из Смежных земель принесла с собой воспоминания о том далеком лете, когда объятья матери хранили его, как нынче плотный тёплый плащ. Захотелось вдруг окружить её защитой, даровать ей хоть каплю ласки, что ожила в моём сердце.

Никогда ни одна женщина не вызывала во мне таких смутных чувств, будто пришедших из глубины забытых снов. Это было и странно, и приятно одновременно. Неужели это значило, что я нашел свою судьбу?

Мой отец невыразимо сильно любил мою мать. Но не смел жениться на ней, так как она была рабыней – практически бесправной вещью, которая принадлежала своему господину. Долгое время я не понимал, почему меня не пускают иг-

рать к другим детям и не разрешают чаще видеться с отцом. Пока однажды все не изменилось.

Пока тебя не признали мужчиной, воином, ты живёшь в мире многих непонятных и необъяснимых вещей, потерявшись среди сказок и волшебства. До первой раны, до первой пролитой крови.

Отец брал меня на охоту, позволяя выпустить первого коршуна, мать раскладывала передо мной соцветия трав, рассказывала об их целительных силах – не это ли счастье? У нас с матерью была крыша над головой и еда. Такие совершенно обычные вещи. Их начинаешь ценить только тогда, когда они исчезают из твоей жизни напрочь.

Годы, проведенные в сражениях за собственную шкуру и право на наследие своего отца, срастили руки с клинками, закалили сталь сердца в пламени осад и битв, потеря близких выжгла душу. До уголька, до зольной пыли. Я хорошо запомнил, что погибелью для моего отца стала любовь к моей матери, которую ему не простила жена-северянка.

Была ли ирония в том, что сын рабыни стал владельцем Гримхайла? Наверное, да. Но это был не только мой выбор, это был выбор народа и, наверное, судьбы.

Я велел своим людям позаботиться о Вилии, не хотел ее пугать, навязываясь в провожатые – пусть отдыхает. Она только с виду кажется нежной и хрупкой, но внутри этой девушки таился крепкий стержень, это чувствовалось. Тогда на привале она отказалась от хлеба, будучи сильно голодной

– их не кормили и плохо поили несколько дней. Я видел, как она отдала свое угощение сестре и няне. Выдержала дорогу и ни разу больше не заплакала. Была испугана и напряжена, но не впадала в истерику. Мне все больше и больше казалось, что я сделал правильный выбор. Тем более, люди приняли ее – это очень хорошо.

– Регьярд! – возглас вывел меня из задумчивости и в ту же секунду ко мне на встречу выбежало нечто яркое и звенящее. – Как я рада, что ты вернулся целый и невредимый!

– Ты опять нацепила на себя те бусы с монистами! – девушка бросилась мне на шею, и я с радостью обнял младшую сестру, потрепав по мягким темным кудрям.

– Я так переживала за тебя! – наигранно обиделась Ошана. – Даже на Утес отправилась, попросить Великого Сокола дать тебе силу!

– И принарядилась тоже для Хранителя, – я не смог сдержаться и уколол сестру, было весело наблюдать за тем, как она выкручивается, при этом довольно мило смущаясь.

– Ну, вот! – закатила глаза дерзкая девчонка ни разу не смутившись. – Я полдня провела в молитвах, ночь не спала, когда вчера вы не вернулись, а ты попрекаешь меня какими-то бусами!

Знал, для кого на самом деле предназначались бусы, да и молитвы Ошаны были не только обо мне, но приятно было осознавать, что за тебя кто-то волнуется, ждет тебя дома.

– Зачем ты отправился к перевалу? – снова упрекнула

сестра. – Мог отправить просто отряд.

– Там было очень много пленных. Сама понимаешь, одно неправильное решение, и гибель ни в чем не повинных людей была бы неизбежна.

– В этом ты весь! – развеселилась сестра. – Никогда не думаешь о себе, только о других.

– Я правлю страной, а значит, должен заботиться и о людях, даже если эти люди попали в мою страну случайно. К тому же... в этот раз я позаботился и о своих интересах.

– Ты о той девушке, что привез с собой? – в глазах девушки вспыхнуло любопытство, и промелькнуло что-то еще не совсем мне понятное.

– Почему бы и нет? – я внимательно посмотрел на сестру, следил за ее реакцией.

– Кира здесь, – Ошана виновато мне улыбнулась. – Неожиданно приехала сегодня утром, и... ты же знаешь, она моя лучшая подруга, а мне скучно находиться в этой огромной крепости, практически одной.

– Я не против вашей дружбы, но ее слишком навязчивое внимание ко мне слишком тяготит, к тому же Крестов – мой хороший друг, и я не хочу с ним неприятностей.

– Не будь таким букой! Кира к тебе равнодушна. Неужели за свои чувства она достойна только порицания?

– Оши, мы уже говорили с тобой об этом и не один раз, – все же меня неприятно удивил приезд сестры Кристофа. Не люблю, когда за моей спиной пытаются решить, что лучше

для меня самого. Кира была наказана за свою глупость и своеволие, ее здесь никто не ждал, но виноватый взгляд сестры подсказывал, что это она постаралась для подруги в надежде еще женить меня на ней.

Чего не будет, того не будет. Никогда.

– Брат, ты слишком жесток с ней! – Оши умоляюще смотрела мне в глаза. Вот же женщины, чтобы добиться своего начинают давить на жалость. Но сейчас передо мной стояла моя сестра и пыталась манипулировать мной. Неужели так старалась для подруги?

Это мне не нравилось. Ошану я любил. Это единственное, что осталось от той жизни, когда я были живы родители, именно она была моим смыслом жизни все эти годы, привязанность к ней не дала скатиться мне во тьму ненависти и превратиться в зверя.

– Что ж, я дам Кире время, чтобы она оправдала мое доверие, – оттаял я под взглядом единственного родного человека, – но не более того.

– Спасибо! – сестра бросилась мне на шею. – Я очень тебя люблю! Ты самый лучший брат!

– Сомневаюсь, что ты так будешь говорить, если я выдвину условие! – я по-настоящему развеселился, когда посмотрел на вытянувшееся лицо Оши. – Вы возьмете под свою опеку Вилию.

– Это... та девушка, которую ты привез с перевала?

– Да, помогите ей здесь освоиться.

Легкое сомнение отразилось на лице сестры лишь на минуту, после чего ее лицо просветлело, и она радостно воскликнула:

– Договорились!

После этого я покинул Оши испытывать свое обаяние на Кристофе. Вот уж кто совсем не мог перед ею устоять, так это лучший друг.

Старый волхв дождался меня в моих же покоях. Магор сидел в кресле и казалось, будто бы дремлет, но как только я вошел старик, не открывая глаз, заговорил первым:

– Ты сделал то, о чем я тебя просил?

– Да! – я внимательно посмотрел волхву прямо в глаза. – Как ты и сказал, я взял себе награду – но это девушка и я привел ее в свой дом.

– Какой бы ни была награда, – заговорил Магор вставая, – это твой собственный выбор, который определит твою судьбу.

– Что ты имеешь в виду? – не любил я всех этих речей витиеватых да заумных, не видел в них никакого прока. – Неужели нельзя сказать прямо, что это все значит?

– Это ничего не значит, – опять заговорил загадками волхв, – и в то же время многое. Ты знаешь, что вскорости будет собран Совет старейшин Кланов?

Согласно кивнул, помня об одном из важнейших обычаев моей родины.

– У нашей страны появился прекрасный и сильный правитель... – продолжал вещать волхв.

– Я хорошо помню, кому должен был быть благодарен за то, что стал правителем!

Совету и Магору, который внес свое веское слово, вступившись за сына рабыни, являвшегося потомком Великого Сокола. И как бы многих не отвращал факт моего происхождения – из всех детей моего отца, в живых остались только я и моя сестра. Только сын Сокола мог управлять государством – человек, чью кровь принимал камень Роуха. Все помнили, чем могут обернуться деяния против воли предков – камень не принял кровь Сашьяра, а он был родным братом отца, но, ударивший в спину, не может быть достойным правителем. И, тем не менее, тогда совет не заботили эти вопросы, старейшины согласились с кандидатурой Сашьяра, а уже через полгода их головы полетели с плеч, а страна была вовлечена в кровопролитную и абсолютно бессмысленную бойню за территории.

– Моя заслуга лишь в том, что я предложил тебя испытать камнем Роуха, – усмехнулся старик, – все остальное ты сделал сам.

– Так что сейчас не так?

– Старейшины озабочены твоим наследием...

– Я еще не так стар, чтобы переживать за мое наследие.

Слова волхва мне не нравились. Совет однозначно попытается навязать мне женитьбу и, скорее всего, подыскал под-

ходящую, по их мнению, избранницу. Возвращение Киры теперь виделось совершенно в другом свете. Нервозность Кристофа оп поводу Вилии тоже была понятна.

– Старик! – обратился я к Магору. – Я уже выбрал женщину для себя и владетельницу для Гримхайла, пусть старейшины смирятся с этим.

Желания старейшин я выполнять не собирался по их малейшей прихоти. Дело было не только в камне Роуха, но и в том, что я собственными руками принес в эту страну мир и процветание и заслуживаю вершить собственную судьбу сам, а не идти на попятную у чужих, пусть и таких влиятельных, глав кланов.

– Я рад, что ты тверд в своем намерении, – волхв склонился передо мной, – и горд тем, что ты наш правитель. Но помни, если старейшины будут недовольны твоим выбором, предложи им повременить с выбором жены для тебя.

Советы Магора всегда были очень ценны, не прислушайся я к нему изначально, никогда бы не стал тем, кто я есть сейчас. Мне очень хотелось поскорее назвать Вилию своей женой, но я прекрасно понимал, что спешка только отпугнет девушку, к тому же она честно призналась, что на родине остался ее избранник. Что ж, так тому и быть! Я последую совету старика и в этот раз. Выпрошу время у старейшин, а за этот срок поближе познакомлю Вилию с Гримхайлом, за одно постараюсь выведать, что на уме у старейшин. Не нравились мне их застенные игры, не эта ли политика привела

потом к краху дом моего отца и чуть ли не стала причиной поражения страны в бессмысленной войне.

После того, как меня покинул старый мудрец, ко мне явилась одна из служанок, которой я поручил позаботиться о Вилии. Она сообщила, что с девушка отдыхает после того, как ее разместили в покоях. Я подавил сильное желание просто навестить ее – Вилия может испугаться и не так меня понять. В памяти возник образ, спящей на моей груди, девушки. Поймал себя на мысли, как мечтаю поскорее назвать ее своей. Своей и больше ничьей. Сделать все, чтобы она забыла о своем женихе, кем бы он ни был. Даже не знаю, почему так тянуло к ней, ведь вчера я ее увидел впервые, а от мысли ее отпустить становилось тяжело и даже больно.

Вилия...

Имя в переводе с языка моих предков значило – чистая река. Она и правда чем-то напоминала горную реку, чистую и прохладную. Странное имя для северянки. Я понял это, когда отвел ее сегодня ранним утром к ручью, как и обещал. Это имя ей дал именно тот, кто знал древний язык моего народа. Определенно, девушка была выбрана мной не случайно, надо будет подробнее расспросить, кем были ее родители.

Глава 6

Вилия

Я лежала с открытыми глазами, рассматривая тени от огня на пологe вокруг моего ложа. Не особо увлекательное занятие, но это помогало отвлечься от предчувствия круговерти, которая застыла за тяжелой дверью комнаты, поджидая меня, как охотник ждет в засаде нерасторопную добычу. Все происходящее казалось нереальным. Только что я спокойно жила у тётки в доме вместе с кузиной и няней. Ги́ла конечно не отличалась нежностью, но матери своей я не знала, а тётя не только выходила и вырастила меня, но, на сколько я знала, выкормила своей грудью на равне со своей дочерью Силен. Пригляда и ласки вполне хватало и от Неи, которая любила рассказывать сказки и петь песни о первых покорителях Севера.

Теперь все это казалось далеким и до глупости невинным. А может, это я изменилась за те несколько дней, проведенных в плену, в окружении безжалостных убийц и работорговцев? Или мои мысли привел в смятение правитель горного Гримхайла?

Ре́гьярд не пожелает меня отпустить – это я уже поняла, но тогда зачем я ему здесь? Чего он хочет?

Об ответе я побоялась даже думать.

Может, если умолять, воззвать к его чести, он передумает, отпустит восвояси.

«Ещё на колени перед ним опустишь, покажи покорность – точно сочтет себя полновластным хозяином спасённой северянки. И знает ли его сердце такое слово – честь?»

Так, утопая в мыслях и сомнениях, я погрузилась в сон. Впервые в моих смутных грезах, похожих на бесконечное блуждание в непроглядном тумане, мне не приснился Илвар.

А утром ко мне явилась весьма неожиданная гостья.

Я еще спала, и тяжелая дрема не отпускала мою душу из цепких сетей сновидений, но ясное осознание чужого присутствия заставило оцепенеть и похолодеть до кончиков сжавшихся в кулаки пальцев.

– Ты не подходишь ему! – раздалось в тишине покоев.

От неожиданности, я даже подхватила и ойкнула. И только, когда осознала, что явь окончательна разорвала ночные путы, сумела рассмотреть девушку, стоящую у изголовья моей постели. Даже отсюда мне было видно, что она высокая и стройная, а её длинные волосы двумя черными шелковыми водопадами спадали на грудь и на плечи, едва сдерживаемые серебряными подвесками.

– Ты решила мне сообщить эту новость прямо посреди ночи? – что ещё можно ответить незнакомке, без приглашения явившейся с наставлениями в чужую опочивальню. Может тут так принято?

– Нет, просто пришла тебя рассмотреть, – пожалала плечами ночная гостья, поморщив аккуратный носик, – хотела убедиться, что такого в тебе нашел мой брат. Кристоф говорил, что ты не представляешь из себя ничего особенного, но мой брат никогда и ничего не делает просто так, а уж все его женщины всегда были хороши собой.

– Ну так, ты меня рассмотрела? – как-то не было никакого желания, выслушивать чье-то мнение о себе, как о новом трофее, привезенным с охоты. – Если да, то, возможно, ты покинешь меня и дашь время полежать еще немного?

Она отвернула полог и присела на край кровати.

– Острый язык! Если ещё и ум острый – громкие слова всегда останутся за зубами!

– Даже если это и не совсем так, мне не приятен этот разговор сам по себе.

Девушка посмотрела на меня с интересом.

– Кристоф говорил, что ты серая, будто скальная стена, но ты не такая, определенно.

И склонила голову на бок, смешливые глаза прыгали с моего лица на волосы, потом на смятую «сорочку», пытаюсь рассмотреть во мне что-то.

– Для начала хотя бы назови свое имя, – потребовала я, садясь на кровати и, против чужого излишнего любопытства, натягивая повыше одеяло – рубашка была мне слишком велика, от того норовила свалиться с плеч, – и кто такой Кристоф, которого ты упомянула уже раза три в нашей беседе.

– Близкие меня зовут Оши, но тебе – велика честь так ко мне обращаться, так что будешь звать меня Ошана. Я младшая сестра Регьярда. А Кристоф – это друг моего брата, его правая рука. Он так же был с ним в этом походе, ты должна была его видеть на перевале.

– Велика честь для людей твоего брата, чтобы их рассматривать! – стоило всё же показать зубы, если впоследствии придётся помалкивать.

Надо же! Никогда не замечала за собой подобной бойкости. Тёткино воспитание напрочь выветривало желание выпячивать норы, а тут – столько перемен. То убить хотят, то продать, то, не надо утешать себя – в наложницы взять. Может, оно и не удивительно. Все страхи и тревоги последних дней выходили из меня словесным ядом?

– И я совсем не просила твоего брата брать награду в виде меня! Но что вышло, то вышло...

– Регьярд никогда не отступает от своих решений, – произнесла Ошана, вставая, – я могу тебя или поздравить, что тебя выбрал мой брат, либо посочувствовать – Совет старейшин кланов будет настаивать на том, чтобы Регьярд женился.

– Как я понимаю – Совет вряд ли будет доволен выбором владельца.

– Увы, Кира дочь одного из самых влиятельных предводителей клана, родная сестра Кристофа и моя подруга. Она самая достойная из всех девушек, на её руку и будут наста-

ивать старейшины.

И с чего меня слова её укололи? Какая мне разница, на ком женится Регьрд? К тому же, если он и правда жениться на этой самой Кире, проще будет его уговорить вернуть полонянку домой. У меня есть Илвар, в конце концов. Останется только надеяться, что владетель достаточно насмотрелся на невзрачную мышку, чтобы делать из девушки любовницу, или отдать её кому-нибудь из своих ретивых воинов в наказание и наказание.

– Извини, что потревожила, – с этими словами сестра Регьрда направилась к двери, – любопытство было слишком велико. Мой брат никогда ничего не делает просто так.

Ошана тихо выпорхнула из комнаты, оставив мне еще больше смятения, чем было до этого.

Нет. С Регьрдом определенно стоило поговорить, причём не откладывая, иначе я дождусь на свою голову беды. Бежать сломя голову в его спальню не стоило, чего доброго подумает, что девица с ума сошла от свалившегося на голову счастья. После завтрака – самое подходящее время.

Может сказать ему о том, кто мой отец? Между нашими странами было мало согласия, но владетель не дикарь, согласится отпустить дочь правителя смежных земель.

Мне вспомнился отец, с его холодной снисходительностью, отстраненностью и безразличием. Чем я докажу, что являюсь дочерью Хельдога? А сам правитель Смежных земель и не вспомнит о том, кто я ему. Помнит ли он мое имя

или имя моей матери? Пустые надежды. На помощь нам так никто и не явился из его людей, а ведь за мир границы должны были отвечать люди Илвара.

Надо уговорить Регьярда по-хорошему. Кроме слов у меня нечего ему противопоставить. Он поймёт. Отпустит.

Сон больше не пришел, хоть размышления и переживания совсем измучили меня. Однако твердая решимость поговорить с владельцем, привела меня на утро в общий зал к завтраку. Отбросить боязнь, облачиться в приготовленный наряд. На мое счастье, там оказалось не так уж и много народу.

– Рад, что ты почтила нас, Вилия! – мне на встречу встал Регьярд.

Он подошел ко мне и протянул руку. И был этот жест таким решительным и демонстративным, что всякие мысли о разговоре выветрились из головы. Владелец усадил меня рядом с собой, представив всем присутствующим по очереди. Благо, помимо Ошаны, здесь были только Кристоф и его сестра – та самая Кира. И, если Ошана смотрела на меня со снисходительным любопытством, но улыбнулась и вежливо поприветствовала, то брат и сестра любезностью не отличались. Кристоф был явно недоволен, а вот в глазах Киры было столько муки и тоски, что я сама себя возненавидела.

Нет. С Регярдом надо срочно поговорить!

Странные существа мужчины. Порой, вбив себе в голо-

ву некую идею – отступить от неё они никак не желают. Таким был мой отец – тётя не стеснялась и даже в глаза называла его «старым самодуром». У Хельдога странное понимание собственной власти, он считает, что с правителем Смежных земель должны считаться не только поместные ставленники, но и владельцы всех приграничных земель. И, если отца с его дурью начинали либо игнорировать, либо указывать его место, Хельдог тут же собирал армию и давал укорот наиболее ретивым соседям. Чтобы не ввязываться в лишней ненужный конфликт, многие выбрали политику снисхождения – хочет правитель Смежных земель быть главным – пусть так и думает: направить к нему послов с щедрыми дарами и льстивыми речами, глядишь и задобришь беспокойного монарха. Последний конфликт случился с Гримхайлом, как раз несколько лет назад. Непродолжительный, но весьма кровопролитный ряд пограничных столкновений, потом еще несколько лет противостояния, пока к власти в горной стране не пришел Регьярд.

Новый владелец уладил противоречия, но на своих условиях. Обе страны находились не в самом лучшем положении, поэтому Хельдог, подпираемый коалицией западных земель, согласился и впервые за всю бытность принял чужую позицию.

Регьярд, как правитель, производил впечатление человека благородного, серьезного, судя по делам его, явно неглупого. Был ли он столь благосклонен к людям, или налёт внут-

ренного величия придавал ему сложившийся образ славного воина?

Зачем ему тогда я? Его свита меня съест и не поперхнется. Ошана явно не на моей стороне, а лучший друг открыто ненавидит новоявленную соперницу своей сестры. Завтрак превратился в испытание – от хмурого настороженного взгляда Кристофа хотелось залезть под стол и не высываться оттуда до самого вечера, от несчастного взгляда Киры возникло желание удавиться кашей, и только сестра владельца была весела и раскачивала ложку в руке, словно собираясь хулигански запустить в меня похлёбкой через весь стол. Сам же Регьярд ни на кого не обращал внимания, кроме меня, его, казалось не трогало ни недовольство друга, ни несчастный вид назначенной невесты, ни напускная веселость сестры. Существовала только я и мои потребности.

Это лестно, конечно, если бы не тот факт, что близкие Регьярда мне не совсем рады.

– Не стесняйся, Вилия, – молвил владелец, – и не бойся. Теперь здесь твой дом.

Я чуть не поперхнулась от услышанного. Нет, он что, правда, серьезно?

– Я надеюсь, что Ошана и Кира после завтрака покажут тебе большую часть помещений в крепости, – Регьярд серьезно посмотрел на сестру, которая в этот момент с усердием рассматривала собственную кашу.

– Конечно, Регьярд, – подала голос молчаливая Кира, и

робко улыбнулась мне.

Похоже сестра Кристофа мне понравится даже больше, чем сестра местного владельца.

– Мы отведем тебя в соколиную башню, – неожиданно оживилась Кира, – и покажем птенцов!

Определенно, она мне симпатична.

– Кира, – подал голос Кристоф, – не докучай со своими птенцами. Может, госпожа, желает покоя и отдыха.

В его тоне звучала насмешка, а в глазах читалось презрение и издевка. Похоже, выбор Регьярда задел его куда больше, чем чувства сестры, которая молча уставилась на Ошану, та же, с присущей ей легкомысленностью, только пожала плечами, и посмотрела на брата.

В воздухе повисло напряжение.

– Нет, ну что вы, господин! – вернула я тон Кристофу. – У меня было достаточно времени на отдых при таком обхождении и заботе. И в лагере, и на коне путешествуя, и в спальне...

Затем, повернувшись к его сестре, улыбнулась и кивнула.

– Мне будет очень интересно побывать в соколиной башне и посмотреть на птенцов. Спасибо за предложение, Кира. Но прежде, чем пойти осматривать крепость, – я в упор посмотрела на Регьярда, – не уделит ли мне, владелец, немного своего бесценного времени.

Так мы и застыли, молча уставившись друг на друга – я и Регьярд.

Не уж то он думал, что приведя в дом чужачку, все это примут с легкостью? Не похож ли он в своих скоропалительных решениях на моего отца?

Все это в одну секунду пронеслось в голове, и от чего-то стало муторно от глухой безвестности. Я его совсем не знаю, кто сказал, что Регьярд другой?

Годами я изнывала от любви к Илвару, который был подопечным Хельдога, его любимцем, хорошим воином, красавцем и балагуром. Но знала ли я его, как человека? Нет. Он ни разу не удостоил меня чести даже поговорить наедине, словом раскрыть свои намерения и порывы. С чего я решила, что человек, случайно отбивший меня от шайки негодяев – лучше? Только из-за одной беседы у костра?

«Пора научиться жить в огромном мире, деточка, а не держаться за теткину юбку!» – слова и тон Гилы так явно всплыли в голове. Ну и ну! Внутри от страха все сжалось, сейчас Регьярд разозлится за дерзость и прикажет запереть меня в тёмных застенках, чтоб образумилась, или... отвезти меня обратно. К степным пределам...

– Я услышал тебя, Вилия! – произнес он, и от чего-то от сердца отлегла тревога. – Нам нужно, и правда, кое что обсудить.

Глава 7

Вилия

Там, откуда я была родом, на мои просьбы даже не обратили бы внимания, в лучшем случае попросили закрыть рот и ждать, что решат мужчины. Правда, Гила была женщиной необычной и весьма грозной: после смерти мужа в одиночку она вела хозяйство и весьма неплохо. Тётка заставила всех мужчин в округе считаться с собой не только тем, что была единственной сестрой правителя, но и тем, что за общим столом могла на равне с другими распить бочонок крепкой браги. Даже Хельдог побаивался её, не смотря на его пренебрежительное отношение к слабому полу. Но Гилу слабой было назвать трудно.

Тем обиднее стало при воспоминании о ее смерти, жестокой и ужасной. Такая сильная духом и все же нашлись те, кто взял числом и сломил этот дух.

В памяти возникло распластанное изувеченное тело, от чего я дернулась.

– Тебе плохо? – озабоченное лицо Регьярда возникло перед моим взором.

– Нет, я... – даже не знала, как объяснить ему свой порыв. – Просто вспомнила свое пленение, извини.

– Тебе не за что извиняться, то, что ты пережила – ужасно. Они убили твоих родичей? На твоих глазах?

Странно, что мы заговорили об этом только сейчас, казалось, прошла целая жизнь с тех пор, как я попала в плен к кочевникам. Всего несколько дней, а кажется целая жизнь промелькнула с тех пор, как я попала к сугурам. Ещё непривычнее говорить об этом ему – незнакомцу, присвоившему, по сути, чужую добычу. Меня...

– Они... – озвучить на словах, произошедшее с Гилой, было не легче, чем проглотить пригоршню колких булавок. – Убили мою тётю, которая вырастила меня.

И еще массу народу, на наших глазах с Силен. В тот момент нас накрыло непреодолимой пеленой, в невероятном оцепенении не получалось даже кричать. Сестра тихо плакала, а я так и не смогла проронить ни слезинки. До сих пор...

– Она была тебе дорога? – вопрос Регьярда вывел из задумчивости.

– Гила была непростая женщина, но очень сильная. Мне она казалась несокрушимой, тем обиднее было увидеть, как над ней издеваются и истязают, а я ничего не смогла сделать.

О! Я сказала это! Так вот, что больше всего меня беспокоило – мое бессилие перед яростью сугуров, тем более неприятно было осознавать бессилие сейчас, когда моей судьбой могли распорядиться совсем чужие люди.

– Ты ни в чем не виновата, Вилия, – Регьярд старался говорить спокойно, с долей участия, но легче от этого не ста-

новилось. Наоборот, внутри все как будто сжималось, в ожидании тяжелого удара, после мгновения милостивого обращения.

– Где мы? – оглядевшись, наконец, спросила я. – Это сад? Но я точно помнила, что из помещения я не выходила.

– Да, это сад моей матери.

За спиной остался проход, затерявшийся среди резных каменных колон, перед нами же на открытой скальной площадке раскинулись цветочные кусты и деревья, цеплявшиеся за скудные островки почвы меж поросших мхом каменных столбов и мощёных дорожек. Большинство колышущихся ветвей и стеблей были голы, растеряв нежные лепестки на горном ветру, но кое-где ещё только распустились трепетные бутоны, радуя мир своей недолговечным светом. У Гилы такой красоты не было, она считала глупостью тратить время на «благовонную» траву, выращивая только самое необходимое. Жене моего отца возиться с землёй и ростками тоже было не интересно. От того и удивительно было видеть такую красоту в столь суровом краю.

– Моя мать была южанкой, – полынная горечь в голосе словно пыталась укрыться за тёплом медового блеска глаз, – она очень скучала по своей стране, в которой было много удивительных растений. У нас много леса, но из-за климата редко приживаются южные растения. Вот отец и приказал приспособить для её причуд это место. Нравится?

Еще бы не нравилось? Я розы видела только по праздни-

кам – все они были привозными, стоили будто из самоцветов сделанные. А здесь они просто росли – только руку протяни, радуя глаз и душу случайному свидетелю этого чуда.

– Красиво! – восхищенно прошептала я. – Твой отец любил твою маму, раз устроил для нее такое.

– Любил... – голос Регьярда напрягся, а улыбка сошла с лица. – Ты хотела поговорить Вилия.

Если он и родился в любви, то от чего-то радостью воспоминания владельца о родителях не отличались.

– Да, конечно, – очарование моментом немного спало, холодный порыв закрыл лицо прядями волос, которые я поспешила убрать. Время обсудить уготованное мне грядущее.

– Регьярд, – начала я, посмотрев в глаза мужчине, – умоляю, отошли меня домой! Это самое правильное, что ты можешь сделать со мной.

– Почему ты так рвешься туда? – владелец нахмурился, но не выглядел грозно.

– Я же тебе уже говорила! На родине остался мой жених, там мой дом, – от чего-то я отвела взгляд от пристальных черных омутов, всматривающихся мне в самую душу.

– Иногда наша судьба сама выбирает горную тропу. Знаешь, почему я выбрал именно тебя?

И что-то в его тоне мне показалось странным. Голос Регьярда сделался низким, он наклонился ко мне так близко, что его дыхание согрела мою щеку.

– Ты одна единственная среди других пленников шла на

смерть.

– Что...

– Да, – он наклонился еще ближе и зашептал мне прямо в ухо, – кто-то смирился со своей участью пленника, кто-то собирался бороться до последнего – все это виделось в лицах людей, шедших за своими поработителями. И только ты решила умереть – это было написано на твоём лице, виделось в твоих глазах.

От его дыхания по коже разбежались мурашки, от рук, обнявших меня за плечи, разошлись волны тепла по телу. Что со мною происходит? Что он вообще творит? Этот мужчина, которого я совсем не знаю, но который за пару дней присутствия в моей жизни сумел так взволновать. Не только поступками, но и словами.

– Если бы тебя так тянуло к возлюбленному или будь у тебя столь заветный дом, ты бы не мечтала о скорой смерти. Горы предназначены дарить свободу, а не смерть.

Горячие мужские руки коснулись моей шеи, а меня как будто опалило жаром. Губы Регьярда оказались на щеке.

– Так вот, Вилия – чистая река, в один момент я решил для себя – мне совсем не хочется, чтобы ты умирала. Более того, я все сделаю, чтобы тебе понравилась жизнь, покажу целый мир... научу тебя любить по-настоящему...

Дыхание его опалило ресницы, холодные крылья носа коснулись щеки. Я не успела отпрянуть или не нашла в себе сил. Поцелуй... первый, жаркий. Такой невероятно сладкий. Ре-

гьярд, казалось, свел меня с ума, усыпил мое сознание. Но от чего-то было удивительно легко, будто бы меня подняло облако и несло в неведомую даль.

Кем ты станешь для меня, Регьярд, жизнью или погибелью? Я ведь совсем тебя не знаю...

– Что ты со мной делаешь? – потрясенно прошептала я, переводя дыхание после поцелуя.

– Обнимаю, – он улыбался, хоть я этого не видела, но чувствовала. И он, правда, меня обнимал, гладил по спине, успокаивая, как будто чувствовал, что мое сердце, словно сумасшедшее, бьётся в груди попавшейся в клетку птицей.

– Ты такая хрупкая и нежная, – Регьярд снова поцеловал меня, на этот раз в висок, – тебя просто хочется защищать и оберегать.

– Никогда не отличалась внушительным телосложением, – грустно вздохнула я.

– Нет, – промолвил владетель и поцеловал мои волосы, – дело не в телосложении. Можно быть большим и мощным с виду, но слабым и трусливым внутри, а можно обладать огромной силой духа, но при этом не иметь ни роста, ни мощи в руках. Я много где бывал и повидал всякого. Люди очень разные, Вилия, ты даже не представляешь порой, на сколько они могут быть разными: от минуты к минуте, от улыбки на лице, до оскала в сердце.

Может и не представляю, за пределами Смежных земель я никогда не бывала раньше, да и за пределы дома Гилы вы-

езжала не часто, разве что на праздники к моему отцу, где улыбчивые помещики услужливо лебезили и натужно хохотали за, ломившимися от яств, столами. Мой мир был очень ограничен, не спору. Людей я тоже знала не очень хорошо – гостям тётка нас с Силен старалась лишний раз не показывать, а мы и не спорили. Бражничество и хозяйственные тяжбы не подходили в качестве уроков воспитания и этикета.

Я очень плохо знала мир и людей, от того и было страшно. Смогу ли я уверенно идти по тонкой ниточке своей судьбы над бездонной пропастью людской жестокости и безразличия?

– Ничего не бойся! – Регьярд отстранился, только чтобы посмотреть мне в глаза. – Доверься мне. Я тебя не обижу, просто дай нам время поближе узнать друг друга. Для меня это очень важно!

– Регьярд, пойми, я не набиваю себе цену, – честно призналась я, – но и быть твоей любовницей не хочу...

– Я бы никогда не привел тебя в свой дом любовницей, поэтому и говорю, просто доверься мне.

Наши лбы соприкоснулись, мужчина смотрел мне прямо в глаза. Внутри все колотилось от переживаний, а внутренний голос молчал или я его просто не слышала за шумом бующей крови в ушах. Я только чувствовала... Мне вдруг захотелось выдохнуть саму себя, выскользнуть прочь от этого прикосновения тонким духом, и, одновременно, истаять податливой свечкой в его ладонях. Кто я сейчас, кем я хочу

быть и кем я была до этого мгновения?

– Все будет хорошо! – его руки гладят меня по волосам. – Вот увидишь.

В то, что все будет хорошо не верилось. Осознание пришло очень неожиданно, видимо, под воздействием бури чувств, что пробудил во мне владетель Гримхайла, мне открылась своими острыми льдистыми гранями истина.

– Я боюсь, что у тебя могут быть проблемы, сосредоточенных которых суждено быть мне.

– Жизнь вообще одна сплошная проблема! – в голосе Регьярда звучала горечь. – Сам факт моего рождения – уже проблема.

– О чем ты?

Было видно, что эта тема ему неприятна, но, казалось, что продолжать мужчине совсем не хочется.

– Ни о чем, – Регьярд окончательно отстранился, – просто верь мне.

– Я верю, но...

– Вот и хорошо!

Быстрый поцелуй в лоб и уже удаляющаяся фигура мужчины. Та же широкая прямая спина незнакомца и чужака. Вот и поговорили.

– Регьярд! – не могла я не окликнуть этого самоуверенного гордеца.

Он обернулся, к счастью.

– Не будь так самонадеян! Ничего не бывает просто и лег-

ко.

– Я знаю! Но ты уже есть у меня, а значит я не один. Вместе у нас получится справиться.

С этими словами владетель покинул сад.

Ну и ну! Кажется, я попалась в сети Регьярда. Так и не успела сказать ему о том, кто я. Не уговорила отпустить домой. Вот что за слабохарактерная девица?! Неужели глубоко внутри, я и правда хотела остаться здесь? Руки владетеля теплы и ласковы, слова приятны, а поцелуи сладки – мне так не хватало этого тепла дома. А здесь столько всего дарит один единственный мужчина. Песня соловья в неволе безрадостна, от чего же моё сердце заливается, как птаха на вольном ветру?

Что же делать?

– Вот ты где!

Я подскочила от неожиданности. Ошана выпорхнула из-за кривого ствола орехового дерева совсем рядом со мной, как будто из-под земли выскочила.

– Не хочешь ли тут все осмотреть? В конце концов, это мне брат поручил заботу о тебе, поэтому надо выполнять, иначе он будет не доволен.

– Ну, если гнев твоего брата такой же неминуемый, как его гостеприимство...

Вот уж эта сестринская исполнительность. Не очень улыбалось идти с ней, но и отказом не хотелось обижать Ошану.

– Кстати, ты против не будешь, если к нам присоединит-

ся Кира? – продолжала трещать неугомонная девица, нежно приобняв меня за плечо и не давая мне возможности встать хоть слово. – Она совсем не помешает, ни капельки.

– Не помешает, – согласилась я.

– Вот и славненько! – девушка сунула мне сверток грубой ткани. – Это плащ. По крепости мы сегодня ходить не будем – скучно. В такой чудесный день лучше прогуляться в горы. Вот увидишь, они чудесны.

Всё это Ошана говорила с видом заговорщицы, сойдя до шепота и выпучив глаза.

Нет, просто ничего не будет, пусть Регьярд даже не рассчитывает. Уж больно он самоуверен тогда, как у других его родичей на него совсем другие планы.

– Я хотела потащить с нами Кристофа, – как много слов для нескольких минут. – Но он сбежал вслед за Регьярдом, сегодня Совет старейшин кланов.

Вон оно как! Вот почему Регьярд уговаривал подождать. Но почему он упорно не желает знать ничего обо мне, и не спешит рассказывать о себе самом?

Что ж, ради этого стоит сходить и в горы, потерпеть общество вездесущей Ошаны, но обязательно поподробнее узнать о владельце Гримхайла всю подноготную.

– Готова? – уже через плечо бросила девица. – Догоняй, Кира к нам выйдет за садовой оградой. Вперед! Нас ждут приключения!

В её устах это больше походило на угрозу, нежели на при-

ЗЫВ к авантюрам.

Вилия

Как опрометчиво и глупо было с моей стороны отправиться на прогулку с Ошаной! Вообще глупо было идти с ней в горы, абсолютно не ориентируясь на местности. Сестра Регьярда уверяла меня, что прекрасно знает здесь все «заковырины», а теперь она же и угодила в ловушку собственной самоуверенности и заносчивости.

Сумасшедшая девчонка! Никакого самоконтроля и чувства опасности. Это же надо было додуматься – вскарабкаться на верхушку скалы и прыгнуть оттуда! Где уж тут быть разуму в такой ветреной голове?

Первый тревожный знак заключался, что Кира к нам так и не присоединилась. Да и как она могла? Ей пришлось бы обойти всю крепость по кругу, а сделать это вряд ли возможно. Но я не повернула обратно, не заставила сделать то же самое Оши. Все из-за собственного упрямства. В глазах сестры владельца было столько превосходства и вызова, что я не решилась проявить слабость и повернуть назад, не хотела показаться трусливой и слабой. Ошане только этого было и надо. Теперь она лежит без сознания вывернутой на бок ногой, я в ужасе мечусь вокруг нее, пытаюсь привести в чувства.

Глупая девчонка!

Глупая я!

Все было очень плохо, но самое страшное брезжило впе-

реди – с востока плыла огромная грозовая туча, клубясь в яростных раскатах грома и молний. Мы же в горах! Тут всё как на ладони.

Боги!

Привести бы в чувство Ошану, отшлепав её по щекам как следует, но она и без того наказана – кроме перелома ноги, на лбу у неё красовалась кровоточащая ссадина. Стихия вот-вот настигнет нас, надо укрыться. Первые капли дождя упали на губы, ветер ударил в лицо, растрепав окончательно, наспех заколотые, волосы. Похоже горянки не утруждали себя шпильками, невидимками, косами, предпочитая носить свободно ниспадающие волосы. Интересно, как они их потом расчесывают или не расчесывают...

Ну и мысли полезли в голову! Это от переживаний.

И почему нас не ищут? Ведь мы достаточно долго отсутствовали, к тому же гроза готовится обрушиться не только на наши с Ошаной головы, но и на всех живых существ в округе. Однако с чего я решила, что нас вообще должны искать? Вряд ли в крепости знают, что мы отправились на прогулку. Ох, Ошана! Какая же ты все-таки вредная!

Ударил первый раскатистый гром, сверкнула молния – однако, ужас перед стихией заставили шевелиться ноги быстрее. Я бродила среди возвышенностей, в поисках подходящей пещеры, но ничего такого на глаза не попадалось. Далеко заходить тоже было опасно, местности я не знала, боялась заблудиться, а там Ошана лежит одна без сознания.

Наконец-то!

Не пещера – просто выдающийся вперед навес скалы, довольно низко, но мне не до поиска роскошных покоев. Еще предстояло перетащить сюда Ошану, не думаю, что это будет сделать легко. Однако страх перед смертью молодой, пусть и изрядно, легкомысленной особы, заставляет сделать и это, благо, моя горе-спутница пришла в себя.

– Что... – стон Ошаны потонул в очередном раскате грома.

– Осторожно! – предупредила я начавшую было подниматься девушку. – У тебя сломана нога!

Стенания и всхлипы скрыл от меня нарастающий гул ветра.

– Как же так вышло?! – причитала сумасбродная сестра Регьярда. – Я столько раз оттуда прыгала, и никогда не калечилась.

– Раз на раз не приходится, тебе следовало быть осторожнее! – говорила я, а мысленно планировала, как доставить покалеченную Ошану под навес.

– Сможешь передвигаться с моей помощью? – склонилась над девушкой и попробовала помочь ей встать.

– Нет! Мне... очень б-больно...

И Оши расплакалась горько, словно маленькая девочка, которая заблудилась в горных расселинах и не могла найти дорогу обратно. По сути – так оно и было. Сердце защемило от жалости и досады, как я могла на нее так злиться?

– Послушай, – я обняла Ошану за плечи, – нам надо укрыться от дождя. Мы уже промокли, но сейчас гроза войдет в полную силу.

В подтверждение моих слов, небесный гонг снова разразился мощным ударом, и молния ослепила нас всего лишь на долю секунды, но как это было страшно!

– Здесь так всегда бывает во время грозы, – простонала измученная болью девушка.

– Я нашла небольшой скальный навес, где можно укрыться, сделала еще одну попытку уговорить девушку, – мне одной тебя не дотащить, поэтому постарайся встать, я помогу идти.

Ошана отрицательно покачала головой.

– Не глупи!

Встать не получилось и не только из-за упрямства сестры владетеля гор. Она очень сильно ушиблась при падении, а я этого не учла, желая побыстрее скрыться от грозы. Как только Оши удалось подняться с земли, она потеряла сознание. Все, что я успела сделать – это подставить плечо, на которое она благополучно осела.

– Да, ладно! – в сердцах вырвалось у меня. – Ты выше меня почти на целую голову! Я тебя не дотащу...

Однако, потерявшей сознание, Ошане на это было наплевать. Её обмякшее тело согнуло меня до самой земли. Другой на моем месте попробовал бы скинуть с себя неожиданную ношу. А я дотащила. Вслед меня гнал гром, молния и ледя-

ной дождь, да так, что раздумывать было некогда. Видела бы меня Гила, честное слово, восхитилась бы мной. Под столь желанным навесом я свалилась без сил.

Желудок несвоевременно напомнил о том, что завтрак был очень и очень давно, но беспокоится об отсутствии снеди не было ни возможности, ни желания. Не успела я оказаться с раненной Ошаной в укрытии, как дождь серой стеной отгородил нас от всего мира.

Ну и погода!

И как теперь нас найти?

Но все эти беды померкли вмиг, когда Оши стала сотрясать крупная дрожь. Пришлось помимо ее плаща, закутать девушку еще и в свой. На отсыревшей земле оказалось не слишком уютно, очень скоро меня саму начало трясти до судорог в животе.

Что нас ждет впереди? Мне было страшно. Даже страшнее, чем перед сугурами. Тогда я готовилась умереть, Регьярд был прав. Еще до того, как я попала на земли Гримхайла, я приготовилась умереть, и сделала бы это любой ценой. Но сейчас умирать совсем не хотелось, а еще страшнее было за жизнь Ошаны.

Регьярд! Умоляю, прошу, найди нас поскорее!

Так я сидела, уткнув лицо в колени, и молилась о том, чтобы призванный пришел, наконец, за мной, и спас поскорее от ужаса надвигающейся горной ночи. А коварный холод пробирался в самое средоточие моей души.

Ну пожалуйста, приди! Неужели я прошу так много?

Я совсем не поняла, как уснула. От усталости и переживаний силы совсем меня покинули. Ошана дышала тяжело, но ровно. Похоже ей немного полегчало. Под навесом было сыро, но радовало, что сюда не задувал ветер и не заливал дождь – настоящее счастье, если учесть ненастье снаружи. Подтянув ноги к груди, я положила подбородок на колени, пытаюсь сохранить остатки тепла.

Погрузившись в собственные раздумья, мне показалось, что снова уснула, потому как рядом со мной стала шевелиться стена, часть ее поплыла у меня на глазах. Тяжелое потрясение сегодняшнего дня не могло пройти так просто, не сказавшись на моем состоянии. Но, когда я вытянулась и почувствовала отрезвляющий холод во всем теле, а стена не прекратила двигаться, у меня началась дикая паника. Отпрянув подальше от странного явления, не имея возможности встать во весь рост из-за низкого навеса, свалилась у самого края укрытия. Навес поплыл, растянулся и стал складываться в кольца прямо на моих глазах до тех пор, пока над этими самыми кольцами не показалась огромная змеиная голова с желтыми глазами, издав шипение залитого водой огромного кострища.

К горлу подкатил ком, и толку, что желудок совсем недавно негодовал из-за отсутствия пищи. Двинуться со страху я не смела, неотрывно следя за покачивающейся головой чудовища, уставившего на меня свой немигающий взор. Вот

тебе и укрытие!

Это конец!

Даже не стоит лелеять надежду о спасении. Кто нас спасет из пасти огромного змея?!

Чудище заклокотало, пощелкивая огромными челюстями, язык выскакивал вперед и вился над головой невольничьим кнутом. Со страху я не могла ни шевелиться, ни говорить, ни кричать. Боялась даже дышать, чтобы ненароком не привлечь его внимание к бессознательной Ошане. Ох, Оши, знаешь ли ты, на что нас обрекла своим безрассудным поступком? И я хороша! Притащила раненную в первое попавшееся место, толком его не осмотрев, хоть и понимаю, что в тот трагичный момент я не заметила бы и уснувший здесь отряд сугуров.

Змей уперся чешуйчатой спиной в потолок навеса над моей головой.

– Ты-ы, пос-с-смевш-шая наруш-шить мо-ой поко-ой, будеш-шь нака-аз-зана-а!

Это был просто кошмар! Если я еще не сошла с ума, то чудовище со мною говорило! Говорило! Если в этой треугольной голове есть хоть капля сознания, то была вероятность, что меня оно не сожрет, наверное. По крайней мере, у меня теплилась надежда на это.

– Я не хотела! – жалобно прохныкала я в отчаянии. – Мне нужно было укрытие от непогоды!

Про сестру Регьярда я решила промолчать, пока он ее не

видит,

– Ш-што-о?! – огромная голова змея оказалась прямо у моего лица.

– Мне нужно было укрытие!.. Прости меня, пожалуйста-ста!!! – последние слова, зажмурившись, в диком ужасе проорала в морду ужаснейшей твари.

– Ты-ы меня-а понима-аеш-шь...

Змей был удивлен или мне почудилось?

– Д-да! – не менее удивленно ответила я. – Но разве вы со мной не говорили только, что?

Открыв глаза, опять увидела змеиную морду перед собой. Пусть бы уже ел скорее! Ожидание было хуже всякой муки, поэтому снова закрыла глаза, чтобы не видеть ужасной змеиной пасти – не самое приятное зрелище перед смертью.

– С-смотри-и на меня-а, деф-фчо-онка-а!

Я снова открыла глаза и с трудом посмотрела на зверя. Круглые, что плоские, буркала с чёрным вертикальным надрезом зрачка неотрывно и неподвижно смотрели в самую глубину, до обмершего и дрожащего уже не от холода сердца, в то время, как чешуйчатые кольца с лёгким шелестом сплетались в узлы и складывались в причудливые завитки. Как это выдержать? Никогда не любила змей, а этот огромный, да еще и разговаривает. Страх толкал бежать отсюда со всех ног, но Ошана лежала раненная здесь же, а сама я бегала очень плохо.

– Кто-о ты-ы?

– Вилия... я не из здешних земель...

Монстр приблизился ко мне еще больше так, что я ощутила его дыхание на своем лице. Не в силах это терпеть, я отвернулась.

– Не с-смей отвора-ачиватьс-ся!

Пришлось снова уставиться в желтые глаза. Лучше уж смотреть в глаза – еще раз брошу взгляд на его пасть, и просто умру на месте!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.